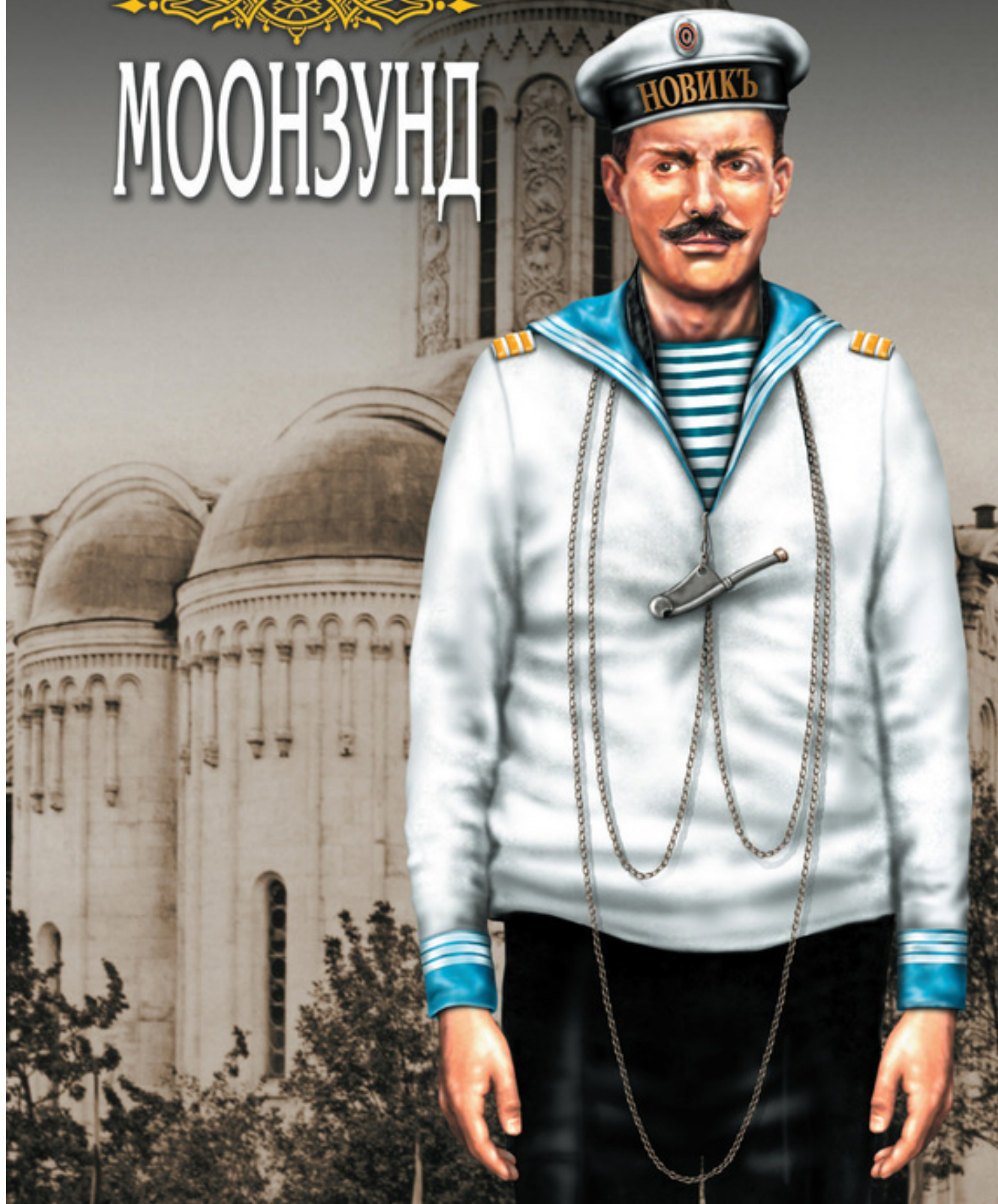

ВАЛЕНТИН
ПИКУЛЬ

МООНЗУНД

Валентин Пикуль
Моонзунд. Том 2

«ВЕЧЕ»

1970

Пикуль В. С.

Моонзунд. Том 2 / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ», 1970

ISBN 978-5-4444-8942-0

Роман «Моонзунд» посвящен героическим действиям русских моряков на Балтике против германского флота в канун Октябрьской революции. Однако, по определению В. С. Пикуля, это не только исторический и политический, но и любовный роман.

ISBN 978-5-4444-8942-0

© Пикуль В. С., 1970

© ВЕЧЕ, 1970

Содержание

Часть пятая. Прелюдия к кризису	6
Кризис	9
1	9
2	13
3	19
4	23
5	27
6	31
7	37
8	40
Финал к кризису	46
Часть шестая. Прелюдия к Моонзунду	48
По местам стоять!	52
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Валентин Пикуль
Моонзунд. Том 2
Исторические миниатюры

© Пикуль В. С., наследники, 2008

© ООО «Издательство «Вече», 2008

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Часть пятая. Прелюдия к кризису

Кронштадт... он был какой-то новенький, совсем не такой, как раньше, в дореволюционное время, словно ему надо было пролить кровь нескольких сот человек, чтобы обновиться, помолодеть, расцвести радужными надеждами.

И. Ясинский. Роман моей жизни

«Виола», легкая как скрипка, посвечивая бортами, купается в усыпляющем плеске. 1 мая 1917 года над кораблем подняли красное полотнище, в центре которого два скрещенных якоря, а по углам – четыре буквы: «Ц», «К», «Б» и «Ф», что означает – Центральный Комитет Балтийского Флота (сокращенно – Центробалт). Это был искристый кристалл в насыщенном растворе, который притягивают к себе все активные элементы...

В президиуме – Павел Дыбенко, матрос с транспорта «Ща».

– Ну, вы меня все знаете, – говорит он при знакомстве и сует цепкую клешню руки, прожигая насквозь своими глазищами.

Двоевластие в стране – Совет и Правительство.

Двоевластие на Балтике – Центробалт и Командование...

По ночам на трепетной «Виоле» – писк, визг, беготня по спящим людям – это крысы, в которых Дыбенко швырнет ботинками.

– Стрихнину вам мало, что ли? – кричит он.

В составе Центробалта 33 депутата, только 12 членов РСДРП(б). Остальные – эсеры, меньшевики, анархисты. Есть и офицеры, которые желают добра, видят это добро в революции, но еще многое неясно для них. Они скользят по поверхности революции, боясь окунуться с головой в ее бушующие недра. Они только «сочувствующие», и спасибо им за это сочувствие...

Флот раскололся на куски, как перезрелый арбуз, который трахнули об мостовую, – каждый корабль вырабатывает на митингах свои местнические решения. Центробалт должен, как пуповина, связать воедино разорванные артерии Балтики, насыщенные бурной кровью, которая вскипает от сумбура событий. Взволнованная страна ждет созыва Учредительного собрания, которое, казалось, разложит по полочкам все чаяния народа. Центробалт мечтает о созыве первого общепалтийского съезда... Как при этом поведут себя офицеры?

Ревель – столица кораблей быстроходных, часто рискующих. Они принимают на палубы и мостики тонны воды; жестокие ветры съедают кожу, наливают одурью глаза. Порывисты и резки, крейсера и эсминцы накладывают отпечаток и на свои команды. Может, оттого-то ревельские офицеры стали действовать активнее других. Там верховодил Дудоров, начальник Балтийской Воздушной дивизии. Дыбенко еще раз перечитал резолюцию съезда офицеров Ревеля:

«Под влиянием неправильно понятой проповеди борьбы с буржуазией, которую ведут среди матросов идейные люди, все офицеры, несмотря на то, что большинство из них фактически принадлежит к интеллигентному пролетариату, считаются буржуями, против которых надо бороться...»

В какой-то степени так: сыновья врачей, педагогов, мелкотравчатых чиновников – вряд ли они станут врагами народа. Но выборности не признают и грозят Центробалту бойкотом. «Выборное начало командного состава в армии и флоте вообще ведет к разрушению военной силы, во время же войны проведение этой реформы является изменой...» Крепко погибают крейсера и эсминцы!

Большие черные крысы скачут через Дыбенку. Среди ночи он вынимает из-под подушки громадный наган, открывает пальбу:

– Надоели вы мне...

***

Как дети малые, играли матросы со свободой, и эти игры становились порой опасны. Опасны для них же – для самой революции! За бастионами фортов, отрезанные морем, кронштадтцы варились в собственном соку, и сок бродил, грозя закваситься микробами анархии, вредными бактериями самочинств и самостийности.

Арестованных офицеров Кронштадт держал в тюрьме. В листовках писали: «Правда, тюремные здания Кронштадта ужасны. Но это те самые тюрьмы, которые были построены царизмом для нас. Других у нас нет...» Все это так. Но комендант тюрьмы, выбранный из матросов, каждодневно обучал офицеров пению революционных песен. Какой-нибудь каперанг, прошедший через Цусиму, по первому приказу коменданта вскакивал и услужливо запевал:

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут...

А в глазах стояли слезы. Это было уже издевательство над человеком, но кронштадтцы, ослепленные днями свободы, этого не понимали.

– Мы же пели для них «Боже, царя храни», пусть и они теперь стараются.

Кронштадтцы «драили» свой город, как медяшку перед смотром, как поясную бляху перед любовным свиданием. Город засверкал! Попался ты пьяным – всыплют так, что забудешь опохмелиться. Алкоголиков наказывали полной конфискацией имущества. Плачь не плачь, а последний стул из-под тебя выдернут и в клуб утащат. По вечерам, в море разноцветных огней, подсвеченная с моря прожекторами, Якорная площадь кишела митингами, где каждый говорил что хотел. Чтобы пресечь вздорные слухи в народе, Кронштадт (впервые за всю историю свою) открыл ворота, приглашая к себе гостей.

И потянулись паломники, как пилигримы ко святым местам. Город-крепость поражал людское воображение. Но порядок был идеальный. И при посещениях тюрьмы арестанты в офицерских мундирах дружно пели – по приказу коменданта:

Вставай, проклятьем заклейменный
Весь мир голодных и рабов...

Прибывшие в Кронштадт экскурсанты дружно подхватывали...
Это была уже профанация.

***

Линейный корабль «Республика» – (бывший «Император Павел I») прибыл в Ревель под красным знаменем. На бортах его был растянут лозунг: «Вся власть Советам!»

Словно того и ждали крейсерские – кинулись на линкор с кулаками, сорвали с мачты «Республики» красный флаг и, вместе с лозунгом, разодрали его в мелкие клочья.

Здесь, на крейсерах, были сильны авторитеты не только эсеровские. На крейсерах чтили Плеханова с его «Единством», крейсерские Керенского за брата считали:

– Сашка-то сказал... А наш Сашка Федорыч не так учит!

Когда откроется Общебалтийский съезд, из Ревеля придут на рейд Гельсингфорса серые, будто обсыпанные золой, крейсера – «Олег» и «Богатырь» с «Адмиралом Макаровым». Защитники министров-социалистов, они сдернут чехлы со своих орудий.

Ты, товарищ, с докладом своим выступай. Ты, товарищ, декларируй себе в удовольствие. Ты резолюцию пиши, конечно. Но все-таки в окно поглядывай... Вот они – крейсера! Вот их калибр!

...Согласия не было. Его предстояло завоевать. В драках. В спорах, когда от ярости из глаз сыплются искры.

Близился кризис.

Кризис

Вердеревский: Я вижу, что развал идет полным ходом. «Петропавловск» вынес резолюцию с ультиматумом Временному правительству убрать 10 министров в 24 часа и постановил бомбардировать Петроград, если это требование не будет выполнено...

«Слава» отказывается идти в Рижский залив...

Я уже не говорю о доверии к себе. Теперь, в таких серьезных событиях,

личности тонут...

Протокол беседы адмирала с Центробалтом

1

Опять они уходили – «Новик» отдавал концы... Дунуло ветром слегка. Качнуло эсминец справа. Вот и море!

– Слава богу, – перекрестился Артеньев. – Здесь митингов нет, и брататься корабли еще не умеют. Это тебе не солдаты.

Сунул в карман кителя блокнот, обошел нижние отсеки:

– Товарищи, подписывайтесь на «заем свободы»... Ну? Кто даст? Портнягин, тебя на пять рублей подписать можно? Не похудеешь?

Качнуло еще раз, и матрос уперся сапогами в палубу.

– Чего, чего? – спросил, потускнев лицом.

– Ну, три рубля. Будешь подписываться?

– Нет. На кой?..

Поход продолжался. От носа до кормы. Никто не жертвовал денег на продолжение войны. Артеньев вернулся на мостик, уже весь мокрый от брызг, косо взлетающих из-за борта, и там отряхнулся.

– Хоть бы дали мне кавторанга, и уйти с этой собачьей должности. Визгу много, а шерсти мало, как от поганой кошки...

Балтийский флот вступал в новую полосу испытаний, для многих неприятную: стали тасовать офицерские кадры. Для офицеров чистка кают-компаний была как жупел... Куда денешься?

«Новик» пролетал за Гангэ, берега едва белели вдали.

– За себя я спокоен, – зевнул Граф. – Меня чистка не коснется, ибо я вступил в демократический союз офицеров... А вы?

Артеньев поднял к глазам бинокль, чтобы не отвечать сразу. В панорамах линз серебристо струилась морская тишь, косо и безнадежно мазнуло по горизонту клочком паруса. Над рыбным косяком кружили чайки – словно пчелы над банкой с вишневым вареньем.

– Какой я политик? – ответил старшой. – Впрочем, если меня выбросят с флота, это станет трагедией всей моей жизни. Буду на Невском, весь в орденах, продавать спички... поштучно!

Неожиданно он вспомнил того пленного немца с крейсера «Норбург», который советовал экономить на спичках. Черт побери, а ведь он был прав тогда – спички на Руси пошли на вес золота, а дрова в Питере ценились чуть ли не в бриллиантовых каратах.

– Пусть вышибают, – сказал Мазепа, – меня примет Колчак! Черноморский комплектуется из украинцев, и над его флагманом скоро уже взвоется желто-блукитное знамя великой Украинской Рады.

Из штурманской рубки с юмором откликнулся Паторжанский:

– Рада и сама не рада, что она Рада!

– Не смешно, – злобно отвечал Мазепа. – Украина способна стать великой мировой державой. Она засыплет всю Европу дешевым хлебом, даст свой уголь, свое железо, свой интеллект Пилипенюк...

В белом кителечке скатился по трапу артиллерист Петряев:

– Мало вам политики, так вы еще в этот щербет навоз мешать стали. Я вот русский и знаю только одну Раду – Переяславскую!

Граф подтянул на руках истертые старые перчатки:

– Одно могу сказать: раньше, в так называемое проклятое царское время, русский флот подобных вопросов не ведал...

Минер, поняв свою отверженность, с вызовом нырнул в люк.

– А мы вот посмотрим, – выпалил снизу, – как запоет великая Россия, когда миллион солдат-малороссов откажется за нее воевать и ногою не ступит дальше своей Украины...

«Новик», легко кренясь, шел на среднем. Артеьев машинально глянул в репитер гирокомпаса, спросил Паторжинского:

– Вацлав Юлианович, отчего мы изменили курс?

– Не меняли – сто восемнадцать.

– А на румбе – тридцать четыре.

– Может, гирокомпас у нас скис?

В низу корабля, в кардановых кольцах, гудел ротор гирокомпаса. Возле него вахтенный электрик читал Дюма.

– Ты его не ударил ли? Или перегрелся ротор?

– Нет. Точно держимся в меридиане...

На руле, невозмутим, стоял кондуктор Хатов.

– Хатов, – спросил его Артеьев, – какой был дан тебе курс?

– Сто восемнадцать.

– А на румбе?

– На румбе – тридцать четыре.

Сергей Николаевич не находил слов:

– Под монастырь нас подводишь? Куда гонишь?

– На базу, и не кричи на меня.

– Кто тебе приказывал?

– Команда устала шляться без толку, – ответил Хатов. – А ревком «Новика» плевать хотел на ваши приказы. Гоню в Гангэ...

Кулак Артеьева ловко перехватил сзади фон Граф:

– Спокойно, Сергей Николаич, спокойно... Или вы не знаете, какие сейчас настали счастливые времена?

Артеьев в яростном бешенстве наблюдал, как наплывает на корабль финский берег. Его похлопал по плечу штурман:

– Хочешь, развеселю последним анекдотом?

– Вот самый веселый анекдот, – показал Артеьев вниз.

На шкафуте стоял механик Дейчман и подхалимски подхохатывал в окружении матросни. Было в его фигуре что-то мерзкое.

– А ведь был человек, – сказал Артеьев. – Вот до какого скотства может довести подленький страх за свою шкуру.

– Зато наш мех понимает, что тебя вот с «Новика» выкинут, а он останется. Потому что ты – сатрап, а он – демократ...

Едва зашвартовались в Гангэ, как Артеньев сразу спустился в каюту, нажал педаль на расблоке. Явился рассыльный.

– Гальванера Семенчука... быстро!

Семенчук явился. Сесть ему он не предложил, но, учитывая новые времена, и сам не сядил. Расхаживал, словно зверь в клетке:

– Это ваша работа? Комитетчиков? Можно ли до такой степени разорять дисциплину? Самовольно снялись с дозорной линии и обнажили перед врагом громадный кусок моря...

Семенчук шагнул на середину каюты:

– А разве я развернул эсминец на Гангэ?

– Ты большевик, – ответил ему Артеньев. – Это ваше влияние. Кто, как не вы, замудриваете лукаво насчет ненужности войны... Вот и результат! Чего ваша левая пятка еще пожелает?..

Семенчук, не дослушав, хлестанул за собой дверь.

***

Жилую палубу забили матросы. Пришли офицеры, подавленные, одетые на новый манер – английский: без погон, с нашивками на рукавах, без кантов на фуражках. Сейчас их жизнь, их судьба зависят от этих зубастых и вихрастых парней, которые раньше по ниточке у них бегали, а сейчас – господа положения! – бросают окурки в иллюминаторы, кричат весело, будто собрались в цирке:

– Начинай! Кто первым номером у нас?

Заслуга Артеньева, как старшего офицера, что «Новик» не знал мордобоя, – это обстоятельство, которому раньше даже не придавали значения, сейчас, после революции, стало весьма существенным. Судя по настроению матросов, офицеры поняли, что сегодня их семья кого-то лишится... Знать бы – кого? Артеньев даже не удивился, когда поднялся Хатов и доложил собранию:

– Итак, братишки, всю нечисть, доставшуюся нам в наследство от Николая Кровавого, покидаем сегодня за борт. Чего молчите? Выдвигай кандидатуры на удаление с флота... – И сам бросил в галдеж кубрика, как бомбу: – Старлейт Артеньев – рази не деспот? Доколе же терпеть мы его тиранство станем?

– Постой, – встал Семенчук, – о старлейте потом. О нем разговор особый. Сначала профильтруем спецаков...

Графа не тронули как «демократа». Дружно перетирали кости минеру и артиллеристу. Решили не вышибать. Только продраили с песком и с мылом за привычку не «выкаты» матросу, а «тыкать». Ладно, еще молодые – исправятся. Дейчман демонстративно отошел от трапа, возле которого собрались все офицеры эсминца. Инженер-механик решил окончательно «слиться с народом»; забился в самую гущу своих машинных да котельных, дымил оттуда (вполне демократично) козьею ножкой, даже покрикивал на офицеров:

– Ничего. Этих можно. В случае чего – поправим!

И вот тут поднялся Портнягин.

– А вот наш мех! – сказал про Дейчмана. – Как его прикажете обсуждать – за матроса или за... офицера? В котельных у нас беспорядок, только жабы еще не скачут. Кочегары излезились. Холодильники текут. А мех из нашей же махры сигарки себе крутит...

– Хоб што ему! – раздался голос. – Бессовестный!

– Верно, ребята. Зачем нам такого? Мы раньше тридцать два узла давали играючи. А сейчас? Двадцати пяти не вытянем.

– Я думаю, – сказал Семенчук, косо посмотрев на Артеньева, – такие, как Дейчман, не нужны. Флот без порядка – не флот, а шалтай-болтай. Приятелю разных мы и сами себе сыщем. Не за тем ты офицером сделан, учился стока, чтобы покуривать с нами...

Веселые скрипки запели в душе Артеньева. Он крикнул:

– Встаньте, мех! Это ведь про вас говорят...

Дейчман поднялся, крутя в пальцах бескозырку. Кителечек раздрызган, без пуговиц, без воротничка, весь в маслах едучих. Чувство золотой середины дается не каждому, нужен для этого талант. А бездарные актеры всегда переигрывают.

– Я же за вас, братцы! – провозгласил он плачуще.

И тут раздался хохот. Страшный. Издевательский.

– Гляди-ка! Он за нас... Ну, комик-зырянин! Сченушил!

– Долой его с эсминца, чтобы пайка даром не трескал. В стране бабы сидят голодные, детишки. А он жрет здесь... за что?

– Убрать с флота! Сами справимся.

– Я с вами, – взывал Дейчман, – как матрос с матросом!

– А коли матрос ты, – отвечали разумно, – так валяй в боевое расписание по графику. К форсункам вставай!

Дейчман поплелся к трапу, и офицеры расступились перед ним, как перед прокаженным. Один вылетел из их компании. Что ж, решение справедливое. А сейчас будет несправедливое, и Артеньев уже внутренне сжался в комок, беду предчувствуя.

– Теперь о старлейте, – настырно тащил за собой собрание Хатов. – Ведь он, когда послабление всем нам от революции выпало, гайку эту самую взял и... крутит, крутит, крутит. – Исказив лицо, Хатов показал, как Артеньев крутит гайку. – Ведь он – садист! Ведь он наслаждается, когда мы с вами дисциплинированы!

Кубрик надсаженно орал сотнею здоровых глоток:

– Давай контру за старшим, чтобы по всей важности...

– Контра будет! – пообещал Хатов, поворачиваясь к Артеньеву. – Вот вы нам и обрисуйте в красках свое отношение к борцу за народную свободу – министру Керенскому... Пожалте!

Артеньев скупно кашлянул в кулак.

– Видите ли, – начал с сердцебиением, – Александр Федорович – это в моем понимании – как политик пока не дал ясных решений. Он отделяется речами, которые способны удовлетворить каждого в принципе, но никого на практике. Что же касается моего личного – я подчеркиваю это – отношения к нему как к военному деятелю, то... пока он себя не проявил в этой области.

– Во! – расцвел Хатов, довольный. – Видели, как он гнусную контру плетет? Такого голыми руками за хвост не поймаешь.

– А ты бы за шею хотел его? – спросил Хатова Семенчук.

– Ответ давай, – редела палуба, – конкретно о Сашке!

Артеньев позеленел от гнева. Стоит ли осторожничать?

– Даю ответ по существу, – объявил он команде. – К вашему Сашке Керенскому я отношусь как к жалкому фигляру... Политическая проститутка! Вот я сказал, а теперь вышибайте меня с флота!

Ему сразу стало легко. В палубе наступила тишина.

– Опять гайку законтрил, – вздохнул кто-то, будто сожалея.

Подавал голос боцман эсминца – «шкура» Ефим Слыщенко:

– А чего вы в Сашку-то вклезились? Нам с Керенским не воевать, не плавать. Старшой здесь фигура, вот о нем и рассуждайте.

Неожиданно завел речь больной матрос из минной команды. Лежал он на втором ярусе стандартных коек, говорил тихо с высоты:

– Старшой-то как раз и надобно побереечь. А за гайки евоные спасибо надо сказать. Крутит, и верно делает, что крутит. У него такая собачья должность. Нам волю дай, так мы в

два счета все тут раздрипаемся... Не понимаю, – говорил больной, – чего вы так дисциплины пужаться стали? Не волк же – не сожрет она вас...

– Замашки старорежимные, – начал было Хатов наседать снова.

Но тут Артеньев бросился от трапа в контратаку:

– Врешь! Дисциплина воинская – это не замашка тебе. Режим старый, режим новый, а дисциплина всегда будет основным правилом службы... Я не против революции, но я враг разгильдяйства, которое некоторые прикрывают именем свободы! Что за дурная появилась манера? Если я говорю, что палуба грязная и ее надо прибрать, вы устраиваете митинг. На тему: убирать или не убирать? Я ненавижу ваше словоблудие. Морду бы вам бить за такие вещи...

– Слышали? – спросил Хатов. – Он еще вас закрутит.

– Закручу! – открыто признался Артеньев и взялся за поручни трапа. Следом за ним поскакали наверх и другие офицеры.

***

Артеньев не любил споров на политические темы, но после этого собрания он разговорился...

– Я не совсем понимаю, как мыслят себе большевики дальнейшее. Оттого, что они провозглашают конец войне, война ведь сама не закончится. Иной раз финал войны гораздо труднее ее прелюдии. И что будет? – спрашивал Артеньев. – Что будет, если немец пойдет на большевика со штыком наперевес?

– Он побежит, – огорчился Петряев.

– Да! А за ним, увлеченные его пропагандой, побегут и другие. Вот что страшно, вот что преступно!

– Маркс учит, – заметил Граф, – что у пролетария нет отечества, нет любви к родине. Патриотизм коммунисты причисляют к серии буржуазных извращений ума и сердца...

Вестовой Платков сбросил с плеча полотенце, навестил Хватова.

– А там опять... контрят! До чего мне надоело посуду для них перемыть. Петряев-гад сейчас сразу две тарелки испачкал. Хлеба кусок возьмет – давай под него тарелку. Ведь скатерть чистая. Взял бы да положил хлеб на стол, как все порядочные люди делают. Так нет, ему еще тарелку подавай. Мне уж так опротивело, что я плюну, бывает, полотенцем по тарелке, плевком разотру и подаю к столу – «чисто, ваше благородие!».

Хатов собирался ехать в Петроград. Набрал в рот сахарного песка, он разжевывал его до сиропного состояния, потом клейкую жижицу искусно размазывал языком по своим ботинкам. Обувь на глазах преображалась – становилась лаковой, как из магазина.

– Еду по делам, – сообщил. – Князь Кропоткин, наш вождь, из эмиграции возвращается. Сорок один годочек не бывал дома человек. Большевики Ленина своего на ять встречали. Мы тоже не подгадим... вот, еду! Ежели не приду встречать – старикашка обидится.

2

Солнце плавилو гельсингфорский рейд, на котором в томительном зное застыли раскаленные утюги дредноутов. Броня палуб обжигала матросам пятки. Купались много: прямо с мостиков в воду – бултых. Потом лезли на корабль по балясинам штормовых трапов; голые, плясали на шкафутах, вытряхивая из ушей воду. Когда солнце уходило за античную храмину финляндского сената, над рейдом свежело.

Вечерами эскадра отдыхала от митингов, от ораторов и резолюций, от которых команды уставали гораздо больше, чем раньше от вахт, боев и приборов. Заводили граммофоны. Каж-

дый корабль имел свою любимую пластинку. Ее гоняли часами, радуя себя и досажая другим. О, российские граммофоны, вас никогда не позабыть!..

С учебной авиаматки «Орлица» жалобно выстрадал Морфесси:

Вы просите песен – их нет у меня,
На сердце такая немая тоска...

А затем и полилось... До глубокой ночи рыдала на дредноуте «Петропавловск» Настя Вяльцева:

Дай, милый друг, на счастье руку,
Гитары звук разгонит скуку...

На посылной «Кунице» дурачились в грамзаписи популярные клоуны Бим и Бом, а на благородной «Ариадне», борта которой были украшены красными крестами, гоняли по кругу, как шахтерскую лошадь, еврейского куплетиста Зангерталя:

Армянин молодой
рядом в комнате жил,
и он с Саррой моей
шуры-муры крутил...

Из кают-компания элегантной яхты «Озилия» слышался изнуренный надлом Вертинского:

К мысу радости, к скалам печали ли,
к островам ли сиреневых птиц,
все равно, где бы мы ни причалили,
не поднять нам усталых ресниц...

Эсминец «Эмир Бухарский» обожал Надю Плевицкую:

Средь далеких полей на чужбине,
на холодной и мерзлой земле...

Разведя высокую волну, прошел «Поражающий», изо всех иллюминаторов которого, словно воду через дырки дуршлага, выпирало глуховатый цыганский басок Вари Паниной:

Стой, ямщик! Не гони лошадей,
Нам некуда больше спешить,
Нам некого больше любить...

А из отдаления, с захудалых и грязных тральщиков, обиженных пайком и жизнью, проливался на рейд Гельсингфорса, широко и свободно, сладостный сироп голоса Лени Собинова:

Слезами неги упиваться,
Тебя терзать, себя томить,
Твоей истомой наслаждаться —
Вот так желал бы я любить...

...Разом смолкли граммофоны. Дредноуты провернули башни.

***

Дмитрий Николаевич Вердеревский из начальников бригады подплава стал пятым комфлотом на Балтике с начала войны. Неглупый человек, он понимал, как будет ему трудно.

– Андрей Семеныч, – сказал Вердеревский, поблескивая лысою головой, – я должен исполнить свой долг.

– Сейчас, – ответил ему Максимов, – помимо долга воинского, существует еще и понятие долга революционного. Как-то воспримут на эскадре Гельсингфорса мое «повышение» и ваше назначение?..

Ставка не простила балтийцам выборности комфлота. Сам принцип голосования приводил в ярость генералов из Могилева, еще вчера пивших-евших на походном серебре императорского двора. Ставка нажала на Керенского, и он назначил в командующие Балтийским флотом контр-адмирала Вердеревского; Максимова же, чтобы не остался человек на обсушке мели, перепихнули в начальники Морштаба.

Вердеревский щелкнул себя перчатками по ладони:

– Обойдем корабли эскадры... вместе.

На катере, стоя рядом, два адмирала (приходящий и уходящий) выкрикивали в мегафоны обращения к эскадре.

– Будем работать рука об руку! – обещал Вердеревский, проплывая мимо дредноутов, тяжело лежащих на воде, словно черепахи.

«Андрей Первозванный» отвечал ему:

– Долой Вердеревского... вернуть Максимова!

– Андрей Семеныч, что мне ответить на это?

– А лучше промолчите...

Вердеревский опустил бинокль, обеспокоенный:

– По антеннам «Петропавловска» пробежала искра передачи...

Линкор по радио оповещал «всех, всех, всех», чтобы министры признали за балтийцами право избирать для себя начальников. 78 кораблей гельсингфорсской эскадры поднимали флаги, тут же голосуя в реве сирен за выборное начало. Адмиральский катер пролетал, весь в брызгах пены, под стволами главного калибра линейных сил, грозивших Вердеревскому полным непризнанием, и новый комфлот покорно выслушивал брань с корабельных палуб.

– Труднейшие времена, – сказал он на пристани. – И подскажите, как мне выгнать эти линкоры в море?

– Даже «Слава», – печально ответил Максимов, – даже «Слава», столь героически воевавшая, не желает больше держать позицию. Чтобы сдвинуть линкоры с места, надо будить в матросах самолюбие и гордость. Я верю: они встанут на позицию, когда будет затронута честь революции и ясен оперативный план.

– А если затронута честь России?

– Сейчас им на это плевать с фок-мачты...

Два адмирала еще раз окинули панораму рейда. Незабываемая картина – оскорбляющая одного и ставящая в неловкое положение второго. На мачтах линкоров не был спущен флаг Максимова (вице-адмиральский), а делегация матросов пыталась сорвать с «Кречета» флаг Вердеревского (контр-адмиральский).

– Познакомьтесь с Дыбенкой, – советовал Максимов. – Он человек сильной воли, ловко схватывающий суть любой мысли. Но предупреждаю, что Дыбенко – человек с капризами и крайне честолюбив. Понравится ему – будет верить и поможет. Если не понравится, тогда...

– Простите, а что тогда? – спросил Вердеревский.

– Тогда он станет пожирать вас на каждом углу. Именно так он поступает сейчас с Керенским, и нет врага для Дыбенки более страшного, чем наш министр. Он его жрет ежедневно, ежечасно, ежеминутно, ежесекундно, и вся эскадра слышит хруст костей Керенского... Челюсти же у Дыбенки необыкновенно здоровые, как у негра!

***

Керенский совершал массу глупостей... Зачем-то сделал своим помощником лейтенанта Лебедева, которого флот совсем не знал. Да и откуда знать, если этот Лебедев был лейтенантом французской службы! Матросы крайне возмутились этим и говорили так:

– Ну, разве можно чужака к нашим секретам подпускать?

Офицеры вполне соглашались с матросами.

– Уважающий себя человек, – рассуждали флотские эстеты, – не станет носить черный мундир при белых штанах. Когда смотришь на Лебедева, испытываешь лишь одно желание: перевернуть его с ног на голову, чтобы черное – внизу, а белое наверху...

Первый съезд Балтфлота собрался, и грызня началась сразу же. Партийные распри – это тебе не дележ бачка с кашей. Бой для большевиков слишком неравен: поджимают эсерствующие товарищи, анархистствующие и прочие. Павел Дыбенко совершенно спокоен за Гельсингфорс, за Кронштадт, даже за Або и Аренсбург.

– Но зато Ревель ведрами мою кровь пьет!

Ох уж эти ревелыцы... На высоких скоростях носятся по морю как ошалелые. Для них Милюков – авторитет (профессор, как же!). Резолюции свои Керенскому пересылают, он для них – непогрешим.

– Где Лебедев? – спрашивал Дыбенко на собрании.

Нет Лебедева. Устав Центробалта утвердили (со скрипением стульев) без него. Слово взял Дыбенко – как берут быка за рога:

– Предлагаю лейтенанта Лебедева вычеркнуть из списка почетных председателей. Семеро одного не ждут, а эскадра, когда она движется, не станет волокитничать, ежели один тралец отстал...

Выбросили Лебедева! Заодно и Керенскому наука.

Приехал опоздавший Лебедев, сразу поперся на трибуну:

– Утверждение устава Центробалта в таком большевистском виде есть предательский акт, означающий непризнание правительства.

Дыбенко, мрачный, шлепнул перед Вердеревским устав:

– Ваша очередь... перышко есть? Подпишите.

– Не могу, – отвечал комфлот.

– Чернил нет, что ли?

– Министр еще не подписал – Керенский!

– Вы же клялись, что «рука об руку».

– И будем работать дружно, но... не могу, Павел Ефимыч! Поймите и меня: Керенский подмахнет, тогда и я «добро» спущу.

В середине съезда на трибуну поднялся матрос. Седой. С тиком на лице. Еще не обсохший.

– Я прямо со дна моря, – сообщил он. – Пролежала наша лодка на грунте в шхерах пять часов. Затонула! На глубомере тридцать два показывало. Воздух кончился. Амба пришла. Тогда жребий бросили: кому какая судьба? Восемнадцать ребят остались лежать на грунте. А пятерым лафа выпала... по жребью через люк всплыли мы! Пятый – это я. А те восемнадцать, может, и сейчас стоят на цыпочках, в воде по уши. Добирают с подволока последние граммы

воздуха. Пятеро нас... поседел вот некстати. Братцы! – выкрикнул подводник. – Уж вы постарайтесь общим решением: кончайте войну...

Вердеревский склонился к уху Максимова:

– А я хотел ее начинать.

***

Керенский прибыл. На перроне Гельсингфорса выли оркестры.

Дамы просили своих кавалеров поднять их, чтобы взглянуть на «министра-социалиста».

«Ах, душка! Как он демоничен...»

Керенского уже завинчивало в гулком зените славы:

Пришит к истории,
онумерован и скреплен,
и его рисуют —
Бродский и Репин.

Вердеревский был со штабом и скомандовал Дыбенке:

– Центробалт – в кильватер... ходу!

С рукою на черной перевязи, в гетрах и бриджах, во френче британского покроя, жестковолосый, Керенский шел не улыбаясь, а за ним из вагона сыпало, сыпало, сыпало... как из дырявого мешка мусор! Это его адъютанты. Изредка, встретив просьбу или заметив непорядок, министр бросал уголком скептического рта:

– Адъютант, запишите... – и шествовал дальше.

Павлу Дыбенко он сказал с угрозой:

– Ну, хорошо. Я приду на «Виолу». Адъютант, запишите...

Встретили его на «Виоле» честь честью. Как министра. За Керенским по трапу просигналили белые штаны Лебедева. Министр сказал:

– У меня двадцать три минуты свободного времени.

– Ничего. Справимся, – утешил его Дыбенко.

И подсунул для подписи устав Центробалта.

Керенский даже не глянул – подписал: «Утверждаю».

Лебедев, которого перед употреблением надо было переворачивать с ног на голову, был удивлен.

– Но я своих решений не отменяю. Адъютант, запишите...

Дыбенко, радуясь, что так обошлось, объявил Центробалту:

– Слово для приветствия народному министру...

Поговорить Керенский любил, и двадцать три минуты прошли.

– Вы же уходить собрались. Не опоздайте...

Керенский растерянно замолчал. Повернулся к свите:

– Состав Центробалта пересмотреть. Адъютант, запишите!

Вдогонку ему гаркнул Дыбенко:

– Состав Временного правительства тоже пересмотреть... Адъютант, запишите!

И записали.

***

Анархисты собирались встречать князя Кропоткина. О широте их натуры можно было судить по ширине клешей. Шестьдесят пять сантиметров – это еще не предел анархических возможностей.

– Могим и больше, да тряпок не нашли... Обедняла Русь!

Хатов с «Новика», готовясь к церемониалу встречи, повесил на грудь себе кулончик из сапфира (между нами говоря, в Ревеле одну дамочку вечерком обчистил, потому как – свобода!). Золотой, браслет с сердоликом крутился на волосатой руке котельного машиниста с эсминца «Разящий». Пили денатурат из графина хрустального, который в 1813 году забыл в Митавском дворце король Франции Людовик XVIII. Закусывали хамсой, разложенной на газетке.

Хатов, между прочим, в газетку посматривал.

– Во! Адмирала Колчака, пишут здесь, надо всенародным диктатором сделать, чтобы он всем нам деру задал хорошего.

– Черноморцы у него, – сказал котельный с браслетом, – сырком в масле катаются. Жри – не хочу! Добавку за борт отрыгивают.

– Хохлы там. Они привыкли. Сало с салом. Хутора имеют. Хозяйственные. Коли кто в дезертирство ударится, так обязательно пушку или пулемет до жинки прут... в хозяйстве все сгодится!

Явился главарь кронштадтских анархистов.

Очевидец пишет:

«Черный длинный плащ, мягкая широкополая шляпа, черная рубашка взабой, высокие охотничьи сапоги, пара револьверов за поясом, в руке наотмашь – винтовка, на которую он картинно опирался. Не помню лица, только черная клином борода всем врезалась в память. Карбонарий! Заговорщик!»

– Пить хочу, – сказал он голосом капризного ребенка.

– Не дать ли, миляга, водички из-под крантика?

– Ходят по миру злостные слухи, – отвечал главарь, – что в мире существует такая жидкость – вода, которую употребляют обычно для стирки белья. Но мы ведь не белье стирать собрались...

Ему налили денатурату, и он успокоился. Поправил шляпу:

– Пошли! С песнями...

За князем Кропоткиным, ученым с мировым именем, человеком чистейшей души и сердца, волочился шлейф грязной накипи. Он уже знал по газетам и слухам, какие появились у него «последователи» на родине, и сердито посматривал в сторону декольтированных матросов...

Князь сказал им:

– Анархизм совсем не то, что вы думаете. Надо вам учиться. На одном мне свет клином не сошелся. Без знаний не будет свободы!

– Да мы знаем... мы же читали, – ответил ему Хатов.

– Вы и мою «Пошехонскую старину» читали?

– Ну как же! Только ее и прорабатываем.

– А мою книжку «Господа Головлевы» тоже читали?

– С нею и спать ложимся. Почитай, у каждого под подушкой.

«Историю одного города», выяснилось, они законспектировали.

– Врете! – И князь пошагал от них прочь.

Анархисты шли за ним, поплеывая семечки.

– Дурит старикашка. Цену себе набивает. Не на таких напал...

В зале ожидания вокзала Кропоткин встал на лавку и заговорил с вокзальной публикой, как говорят люди сами с собой:

– Я глубоко верю в образование безначального коммунистического общества. Верю в организацию коммунистических общин в крестьянстве. А сейчас России надо лечь костью, но – никакого братания с гуннами и вандалами... Где же слава Плевны?

Мимо него таскали мешки спекулянты и перли на перроны дезертиры с винтовками, визжали бабы... Плевать на Плевну!

3

Балтика своим крылом задела и солнечный Севастополь. Большевики-балтийцы переломили черноморцев на митингах – в их же базах! Черноморский флот развернулся на борьбу с контрреволюцией, и пришел последний час Колчака. По каютам эскадр гремели выстрелы – не убивали, нет, это офицеры сами кончали с собой.

В этот последний свой час Колчак сбросил маску демократа. На флагмане «Георгий Победоносец», вокруг которого собралась эскадра, покраснев от натуги, Колчак кричал в мегафон:

– Вы не свободные граждане, а бунтующие рабы. Вас не вразумить словами – вас надо стрелять как собак!

Эскадра редела:

– За борт его! Эй, на «Георгии», – хватайте за ноги...

Флаг Колчака дрогнул, сползая вниз по мачте броненосца.

– Сдать оружие, – приказали ему.

Колчак выхватил свою саблю, сломал ее на колене и обломки вышвырнул за борт. Сбежав с мостика, прыгнул под капот катера, и мотор сразу заторкал, быстро доставив его на Графскую пристань. Придя домой, он сказал жене:

– Соня, моя карьера сегодня кончилась навсегда.

– Нет, – ответила жена. – Ты посмотри, что пишут о тебе в газетах: тебя прочтат в диктаторы всей России...

В дверь постучали, и (как в сказке) появился долговязый американский адмирал Глэнон, прибывший в Севастополь с миссией.

– Мы прибыли, чтобы учиться у вас. Америка – страна богатых возможностей, и она сумеет расплатиться с вами...

Колчак был очень сдержанным человеком, но иногда он взрывался, как бешеный огурец, и тогда сам себя не помнил:

– Убирайтесь к чертовой матери... все, все, все!

Вечером Колчак уже покинул Севастополь, и едва исчезли окраины города, как в купе к нему просунулась голова Глэнона.

– Адмирал, – сказал он, – Штаты нуждаются в таких людях, как вы. Поверьте, здесь вы уже никому не нужны, а в Америке...

– Закройте дверь. Я устал, – ответил ему Колчак.

– Чего он хочет от тебя, Саня? – спросила жена.

Колчак открыл окно. Бурный поток воздуха ворвался в купе, и запахло степью – мятой, чебрецом и навозом.

– Американцам нужны наши секреты минного дела. Ты же знаешь, что в этом вопросе мы, русские, обскакали флоты всего мира. За океаном – детские игрушки, а не минные постановки...

На вокзале в Петрограде опять подкатился Глэнон:

– На досуге, адмирал, поразмыслите над нашим предложением. Мы не пожалеем золота. В случае согласия – вот мой адрес: Зимний дворец – миссия адмирала Глэнона...

В Мариинском дворце Колчак выступал перед министрами.

– Вы слабые люди, – заявил он правительству. – Вы замусорили Россию высокопарными словами, когда требуется только кулак...

Ему предложили ехать обратно в Севастополь и поднять на флагмане свой вымпел – тогда якобы все уладится.

– Мой вымпел разорван в клочья... Вам этого не понять!

– Может, примете на себя Балтийский флот?

– Из огня да в полымя? – спросил Колчак, кося глазами.

На выходе из дворца за адмиралом вдоль тротуара следовала машина под звездным флагом Штатов... Глэнон помахал рукой:

– Адмирал, садитесь. Я подвезу вас... Кстати, опять об Америке. Вы напрасно так относитесь к поездке за океан. Вы, русские, плохо представляете страну, которая вас отлично знает.

Колчак, не отвечая, развернул столичную газету. В глаза бросилось крупное клише. Плакат. Не русский плакат – американский! Дядя Сэм в шляпе квакера строго указывал на Колчака пальцем, а под плакатом – броская надпись:

I WANT YOU FOR US ARMY
(ВЫ МНЕ НУЖНЫ ДЛЯ АРМИИ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ)

Колчак в раздражении перевернул страницу... Стихи. Кому сейчас, в такое время, нужны стихи? Он пробежал их глазами:

Америка – могучая страна
возможностей необычайных,
ты расточительнее сна
о творческих вещаешь тайнах...

«Похоже, будто все сговорились с адмиралом Глэноном!»

– Остановите здесь, – сказал Колчак. – Благодарю.

Софья Федоровна пристально вглядывалась в лицо мужа.

– Саня, у тебя какие-то изменения? К лучшему?

– Сейчас я опять встретил этого прилипалу Глэнона. Я отправлю тебя с сыном в Париж, где будешь ты жить, пока в России все не изменится. Я понял одно: без помощи Америки, Англии и Франции нам с революцией не справиться.

– Ты решил ехать в Америку?

– Пока нет. Я жду...

– Чего, Саня?

– Я очень многого жду от своей судьбы.

Он ждал момента, когда реакция призовет его в диктаторы: нужен Наполеон, нужен кулак! Но... Колчак просчитался, ибо в диктаторы уже нацелился сам Керенский. Адмирал сейчас ему просто мешал, и, кажется, он был не прочь спровадить его от себя подальше – за океан...

Колчака навестил французский легионер Зиновий Пешков:

– Адмирал, имею до вас поручение Пуанкаре – вас ждет высокий пост, если вы согласитесь взять на себя командование...

– Пойдите. Не торопите меня. Я жду...

Лига георгиевских кавалеров (самая отпетая, самая монархическая) вручила Колчаку золотое оружие. Колчак почти с яростью схватил его в свои костистые пальцы. Бледными от волнения губами он истоиво целовал мерцающее лезвие. Он задыхался:

– Клянусь! Все свои силы... единая и неделимая... триста лет династии... А Руси – восемьсот... стояла, стоит и стоять будет! Я, адмирал Колчак... торжественно... клянусь при всех...

Глэнон первым поздравил его с высокой наградой:

– Завтра об этом будут писать наши газеты. Вас там ждут, а чего ждете здесь вы? Британская «Интеллидженс сервис» уже взяла вас под негласное наблюдение. О, пусть это вас не пугает: просто британской разведке стало известно, что германская агентура готовит на вас покушение в Петрограде. А вот за океаном...

Временное правительство выдерживало Колчака на льду, чтобы он сохранился в лучшей форме для боев с революцией. Оно требовало от адмирала жертвы. «Принесите себя в жертву... ради нас!» – так прямо и заявляли ему министры. Но ради них он не хотел идти на заклятие, как глупый агнец. Разговоры и слухи о его диктаторстве не прекращались. Суворинские газеты декларировали открыто:

«Пусть все сердца, которые жжет боль об армии, будут завтра на улице... Пусть князь Львов уступит место председателя в кабинете адмиралу Колчаку. Это будет министерство победы!»

Германские подводные лодки, шныряя по Северному морю, задерживали для обысков корабли, идущие в Англию. Шла проверка документов – немцы искали Колчака. Под измененным именем, с подложным паспортом в кармане, одетый в статское платье, Колчак благополучно прибыл в Америку как почетный гость США.

...Революционная Россия на время рассталась с адмиралом, чтобы встретиться с ним уже в сибирских снегах. Именно там, поддержанный всесильной Антантой, он и станет тем Колчаком, которого знает наш народ. Россия забудет, что он был прекрасным минером и талантливым флотоводцем, что он был полярником и гидрографом, – отныне и во веки веков адмирал Колчак останется памятен как враг народа – самый опасный, самый коварный и самый сильный.

Плыть бы и плыть мне к седой земле,
бредящей именем адмирала,
так, чтобы сердце, на миг замлев,
хлынувшей радостью обмирало...

И это верно: если бы Колчак занимался только тактикой и только гидрографией, он мог бы принести большую пользу своему народу. Многие его товарищи служили в советском флоте, воссоздавая его, усиливая и совершенствуя, и умерли в высоких чинах и всенародном почете.

Но не иная земля у плеча
и не акулье скольжение у клюзов:
путь мой искривлен рукой англичан,
бег мой направлен рукою французов...

***

Под шпилем Адмиралтейства – суетня, хлопанье дверей, звонки телефонов, авральная работа по спасению флота от революции.

Ревельский Дудоров – теперь помощник Керенского по морделам, а Лебедев – заместитель по морделам. Первый – контр-адмирал, а второй лейтенантик, но это дела не меняет. Ребята они еще молодые, горячие, хваткие, нахальные, верткие.

Петроград бурлит за окнами. Путиловцы идут, как шли 9 января к Зимнему дворцу, но теперь демонстрация заворачивает к Таврическому. Рабочие идут с женами и детьми – как шли когда-то к царю, чтобы сказать о нуждах своих. Толпы перегородили мосты, режут грузовики с пулеметами. Министры-кадеты вышли из кабинета (опять кризис власти). Коалиция разваливается – революция строится. А впрочем, подобная обстановка не радует и большевиков. Члены ленинского ЦК призывают Петроград к спокойствию. Нельзя начинать. Еще рано. Демонстрации преждевременны. Не допускайте, товарищи, призывов к свержению Временного правительства...

Стихия – не машина, ее не остановишь.

– Задвигался Кронштадт, – сообщил Лебедев. – Если он войдет в Петроград, набережные захлестнет... все погибнет.

– Кронштадт удержать! – бесновался Дудоров. – В конце концов, мы не остановимся перед торпедированием кораблей...

Кронштадт звонил в ЦК партии, просил к телефону Ленина, но к аппарату подошел Зиновьев.

– Выступление Кронштадта, – доложил Кронштадт, – совершенно неизбежно, и отвратить его мы, большевики, не способны.

– Подождите у аппарата, – сказал Зиновьев, – я сам не решаю. Я посоветуюсь с Владимиром Ильичем...

Кронштадт ждал. Зиновьев снова взял трубку:

– Ленин нездоров и сам подойти не может. ЦК рекомендует Кронштадту превратить демонстрацию в мирную манифестацию.

– У нас все вооружены до зубов. Мы хотим драться!

– Ленин – против. Пусть демонстрация будет вооружена, но Кронштадт должен продемонстрировать лишь с мирными намерениями...

Адмиралтейство связалось с Гельсингфорсом. Дудоров наказал Вердеревскому выставить на путях к Петрограду подводные лодки: команды их охотно повинуются своему бывшему начальнику. Ревель уже ошестинился против большевистского Центробалта. Накануне пришли и бросили якоря в Гельсингфорсе крейсера «Олег», «Богатырь» и «Рюрик». Посверкивая пушками, прилетели эсминцы «Внимательный», «Выносливый», «Орфей», «Самсон», «Меткий». Затаенно перемигиваясь, словно заговорщики, подкрались к Центробалту три субмарины: «Рысь», «Пантера» и «Тигр».

На «Кречете» раздумывал над приказами Вердеревский:

– Как быть?

На «Виоле» Дыбенко тоже думал:

– Как фуганем по «Кречету» парочку снарядов – пустое место останется, и даже галоши комфлота не всплывут...

Завтра, завтра... Завтра поворот: или мы – или они!

4

Читатель! Я понимаю – об этой июльской демонстрации, которая вошла в историю нашего государства, ты уже читал не однажды. Ты знаешь о ней еще со школьной скамьи, и написано об этой демонстрации столько, что можно составить целую библиотеку... Писать сцену собрания трудно. Еще труднее описать демонстрацию. Даже когда она несет через улицу идею. Ибо движение людской реки многолико и однолико, многоголосо и одноголосо. У демонстрации нет героя – здесь один герой. Это сама демонстрация... Я смотрю сейчас на старые фотографии, запечатлевшие июльскую демонстрацию, я знаю, что ее ждет сейчас не победа, а поражение, и я чувствую, как сам незаметно сливаюсь с этой толпой. Изнутри ее, растворившись в ней, я описываю ее – молодой и красивый!

***

... Я всю ночь не спал, как и братва. Всю ночь не спал Кронштадт, не спал Гельсингфорс. А небо над Балтикой было в тучах. Моросил теплый дождик. В Маркизовой Луже нас встречал буксир, на котором был член Исполкома Петроградского Совета, и он нам через матюгальник долго мозги вкручивал:

– Убирайтесь к чертовой матери назад... Предатели! Подлецы! Вас никто не просил в столицу, в которой все спокойно...

Корабли входили в Неву, подруливали прямо к Английской набережной. Здесь нас встречали большевики, предупреждая:

– Не стрелять, товарищи! Демонстрировать мирно.

Напротив университета стоял автомобиль. Когда подошли ближе, из машины встала в рост с речью Маруся Спиридонова. Что она кричала нам – я не помню, наши колонны шли скорым маршем. Тысячи были нас, многие тысячи, и мы шли ко дворцу Кшесинской. Вот и садик, голубели в небе пасмурном эмали татарской мечети.

– Ленина! – стали просить матросы. – Давайте сюда Ильича!

Выступал с балкона Луначарский, говорил с нами Свердлов.

– Ленина! – просили мы у них с улицы...

Ленин вышел на балкон. Ильич извинился, что сегодня не в настроении говорить, потому что болен. Его речь – два слова, не больше. Никаких программ. Никаких призывов к свержению. И мы пошли дальше... Он тогда словно предчувствовал, что ждет Балтику впереди, и – стойкость, выдержка, вера! – лишь к этому он призывал.

Военные оркестры трубили уже на Троицком мосту. Прохожие глядели на нас с ужасом. Особенно на Невском нашего брата боялись. На углу Литейного посыпались пули. Я шел в голове колонны, а те, что шагали в хвосте ее, даже не слышали выстрелов, – столь велика была наша сила. Пули бились под ногами, многие даже не сразу поняли, что по ним стреляют. Первая кровь брызнула на панель. Колонна расстроилась. Я укрылся в подворотне, видел, как ползут раненые. Вокруг меня сдергивали с плеч винтовки, стали палить по окнам и чердакам. Я выпустил всю обойму, вставил новую...

– Стройся! – раздалась команда, но построить нас снова в порядке было уже невозможно.

– Не нервничай! – орали вокруг.

Мы шли дальше уже стенкой, забив не только мостовую, но и все тротуары. Помню, как при нашем приближении с визгом опускались железные шторы на витринах магазинов. «Кронштадт идет!...»

Вот и Таврический, здесь вдоль Шпалерной, за решетками садовой ограды, теснились рабочие. Рядом со мной шагали два матроса, один с «Авроры», другой со «Штандарта», они разговаривали:

– Свернем шею сразу всем, и... даешь Советы!

Кто-то сказал, что арестовали министра Чернова – он был эсер, по земледелию, кажется. Все кричали по-разному, и мало кто понимал, что происходит и зачем сюда пришли.

– Стой, братцы! Декабристы так же стояли.

– Ого! Много они выстояли?

– Пальнут с чердака... пропадай молодость!

– Стой, говорю. Ленин уже прибыл...

Из толпы стали выкликать имя Церетели:

– Церетели! Пусть он скажет, что происходит...

Вышел из дворца Свердлов:

– Вместо Церетели сегодня – я!

Мы засмеялись. Я протиснулся через ораву матросов к рабочим. На руках женщин спали дети. Звякали кружки с водой, за которой бегали куда-то далеко. Я спросил одного мастерового:

– Отец, а давно вы здесь загораете?

– Второй дён на земле... не пимши, не жрамши.

Тут и другие вступились:

– Вы-то, кронштадтские, еще первачи. А мы вот ночь здесь околевали. Дюже озябли.

Неужто так и уйдем ни с чем?

– А чего добиваетесь? – спросил я. – Лозунг у вас есть?

– Эй, Локтарев, покажи малому лозунг наш...

Один рабочий вскинул над садиком красное полотнище, на котором я прочитал: «Вся власть Советам!» Все ясно. Я вернулся.

– Долго будем стоять? – у дружков спрашивал.

– Да кто его знае... Народу уйма, а толку нет.

– Делегатов-то к Ленину послали?

– Были уже. Там вциковские о нас совещаются...

Неожиданно раздался возглас:

– Всем, всем, всем... всем можно разойтись!

Нас было тысяч сорок в бушлатах, и, когда мы разом заревели, казалось, обрушится купол Таврического дворца.

– Это почему же разойтись? А на что шли?

Вциковские стали нам разъяснять:

– Товарищи, своей солидарностью и своими большевистскими лозунгами вы цели уже достигли... Подумайте о ваших братьях рабочих, которые сидят тут давно. Дайте им уйти в уверенности, что вы их защитите. Ваша воля не пропала для революции даром!

Надо возвращаться. Часть наших ребят оставалась в Питере – кто в охране дворца Кшесинской, а кто попал в гарнизон Петропавловской крепости. Я встретил тут приятеля с миноносца № 217, который у стенки завода трубки в котлах менял, и на этом эсминце переночевал. Вот, кажется, и все, что можно кратенько сказать об этой исторической демонстрации.

Утром я проснулся на чужой подвесушке, стал во фланелевку головой пролезать, еще босой на линолеуме стою, а ребята (с этого «минаря» № 217) и говорят мне:

– Ты, приятель, поживи у нас.

– А чего?

– На улицу не совайся.

– Это почему?

– наших братишек в городе лупцевать стали...

Так я узнал, что дела наши – швах. Балтику брали к ногтю.

Я бы и больше вам рассказал, но я – только матрос, мне тогда из колонны мало что виделось. А документы того времени сохранились. Ежели их пошерстить, они расскажут, что положение было гораздо сложнее, нежели я тогда думал... Молод я был!

***

«Правда» была разгромлена первой. Матросов, которые остались в столице, разоружали. Мало того, балтийцев теперь били все кому не лень. Почтенные дамы и милые барышни тыкали их зонтиками.

Адмиралтейство ликовало. Дудоров сиял:

– Кронштадт замкнуть в блокаде. Не давать мяса и хлеба.

Гельсингфорс в смятении. Загнали на вокзальные пути три цистерны со спиртом – появились пьяные. Центробалт почуял: в городе – безвластие. Советчики Гельсингфорса бились над вопросом: как угодить Временному правительству и «стравить пар» возмущения в рабочих и матросах... Крысы выживали Центробалт с «Виолы», и Павел Дыбенко перенес свой флаг на царскую яхту «Полярная звезда». Лучи от этой «Звезды» расходились по флоту – пугающе, как острые клинки. Много было еще неясно. Здесь, вдали от событий...

Дыбенко приказал:

– Караулу – на «Кречет»! Занять радиорубки. Посадить своих людей на аппараты береговой канцелярии штаба комфлота...

Власть на эскадре целиком перешла в руки Центробалта. Гельсингфорс запрашивал Кронштадт: «Сообщите точно, что у вас случилось и нуждаетесь ли в помощи?..» В этот момент, когда бушуют политические страсти, а на главные калибры уже сочтется по лифтам боевая сила из погребов, – в этот самый момент:

– Шифровка! Из Моргенштаба... вам, господин адмирал!

Вердеревский вчитался в приказ Дудорова, который требовал от комфлота срочно при-слать XI дивизион эсминцев:

– Одиннадцатый дивизион: «Победитель», «Забияка», «Орфей» и «Гром». Требуют подать их в Неву – к стенке Зимнего дворца.

Сейчас в руках адмирала – судьба кризиса правительства, судьба будущего русского флота. Клочок бумажки: плюнь да брось!

Аппараты стучат, опять шифровка – строго секретная:

Временное правительство, по соглашению с Исполнительным Комитетом Совета трудящихся и солдатских депутатов, приказало принять меры к тому, чтобы ни один корабль без вашего на то приказа не мог идти в Кронштадт, предлагая не останавливаться даже перед потоплением такого корабля подводной лодкой...

– Ну да! – сказал Вердеревский. – Расчет на то, что я командовал бригадой подплава, а подводники, если я им прикажу, не станут сентиментальничать и всадят торпеду даже в боженьку.

Вердеревский встретился с членами Центробалта.

Это был самый рискованный шаг в жизни адмирала. За многие столетия рода Вердеревских были они стольниками, были воеводами, сидели в думных дворянах. Но еще никакой век и никакое время не порождало перед ними таких вопросов, которые предстояло разрешить сейчас их потомку. Дмитрий Николаевич сказал матросам:

– Вот сугубо секретная шифровка. Там, в Петрограде, под влиянием последних событий совсем уже сдурели (адмирал выразился еще грубее). Приказывают мне выслать дивизион «новиков». Мне рекомендуют не останавливаться даже перед потоплением кораблей.

Дыбенко сказал:

– Ох и положение, адмирал! Надо бы огласить по флоту.

– Не размахивайтесь на весь флот. Будет вредно для дела.

– Но все шифрованное слишком волнует команды кораблей. Люди подозревают в оперативных распоряжениях контру.

– Я, пардон, служу не людям, – отвечал ему Вердеревский, – я служу только отечеству. И если флот вовлекают в политическую борьбу, то я... – он передохнул, – не исполню приказа. Да! Что же касается подводных лодок, то я сейчас же отошлю их от греха подальше – пусть лучше держат в море позицию...

Центробалт сразу потребовал ареста Дудорова и Лебедева.

Резолюцию об их аресте вызвался отвезти в Петроград сам Дыбенко:

– Лично в руки Керенскому... я ему покажу!

Ровно в полдень 6 июля «Гремящий» ворвался в Неву, тяжело дыша котельными отсеками. Когда Дыбенко с товарищами сошли на берег, их замкнули в кольцо штыков. Юнкера взметнули над ними приклады винтовок:

– А, собаки! Большевистское отродье... продались?

Дыбенко, отбиваясь от ударов, упал на мостовую:

– Стой, сопляки... Кому продались? Дыбенку не купишь...

Избитого в кровь, юнкера потащили его в Зимний дворец. Тащили и били. Побьют, снова тащат... Церетели вышел из дворца с портфелем, пошагал куда-то. Важный. Социалист!

– Эй, министр-социалист, – позвал его Дыбенко, – это как понимать вашу демократию? Так и надо, чтобы нас лупцевали?

Следом за «Гремящим» в Неву залетел и эсминец «Молодецкий» под флагом контр-адмирала Вердеревского. Комфлот сошел на берег, и его тут же обступили офицеры из Адмиралтейства:

– Сдайте кортик... вы арестованы!

– В чем я, командующий флотом, провинился?

– Измена родине и революции, – отвечали ему.

– Это лишь красивые слова, а где же факты?

– Секретный приказ товарища министра Дудорова вы огласили перед большевиками-матросами. Разве это не есть измена?

Тут же, на набережной, Вердеревский вывернул карманы:

– Чист, аки голубь. Ведите.

***

Они встретились в Зимнем дворце – избитый Дыбенко, которого отвозили в «Кресты», и общипанный, без нашивок адмирал Вердеревский, которого сейчас отвезут в Алексеевский рavelин.

– Веселенькая у нас с вами история, – сказал Вердеревский Дыбенко. – Прямо мухидохнут от непонимания... Сколько можно быть глупцами? Комфлот и Центробалт встретились, и... где?

5

Эссен – Канин – Непенин – Максимов – Вердеревский... Теперь начальник Минной дивизии контр-адмирал Развозов, получил приказ сдать дивизию контр-адмиралу Старку, а самому заступить пост комфлота. С чего начать и за что браться?..

– Я за старые порядки, – предупредил Развозов. – Флот распустился, он потерял боевые качества. Вернем ему божеский вид...

Керенский, став премьером, публично объявил балтийцев германскими агентами, сознательно разрушающими русский флот. Центробалт переизбрали заново, и Развозов взял его в свои руки, как когда-то Колчак держал в руках вожжи черноморских ревкомов.

– Товарищи! – убеждал Развозов. – Только поменьше политики, только побольше дела. Пишите мандаты, обсуждайте резолюции, но не суйтесь в оперативное руководство флотом...

На Сенатской площади Гельсингфорса, на крутых маршах лестницы финляндского сената, с утра до вечера толпились матросы.

– Сашку долой! Почто он Балтику матеряет?

– Товарищи, никакого доверия временным!

– Слыхали... А чем тебе Керенский не угодил?

– Это ты брось, а то и в ухо могу заехать.

– Крейсерские, ваяя сюда... тут большак затесался!

– Бей его, дай в зубы шпиону.

– Это ты кого бьешь? Да я кавалер «Георгия».

– Видали мы таких... отфорсился!

А на рейде дымят, стоя близехонько один к другому, два враждующих линкора: «Республика» – партийный флагман большевизма, и «Полтава» – мощная цитадель эсерства; катеров с «Республики» полтавские даже не принимают под трапы.

– Отчаливай по-хорошему, а то все зубы тебе по палубе раскидаем. Ишь, бойкие какие... им Керенский не пофартил!

В море деловито вышел крейсер «Адмирал Макаров» – под черным пиратским флагом: с черепом и костями, как на будке трансформатора токов высокого напряжения. Костями загремели они не от анархизма – это от милюковского патриотизма. Крейсер объявил себя «кораблем смерти», беря пример с женского «батальона смерти». По радио с крейсера оповещали: «Умрем за Россию!» (а умереть за революцию уже не хотели). Кризис не прошел даром для флота. Даже такие твердыни большевизма, как Кронштадт и Гельсингфорс, и те дали трещины. Матросы «переписывались» в эсеры, в анархисты, сваливались в беспартийное болото, где быстро и закисло.

Теперь слышались и такие разговоры:

– А разве при царе плохо жилось? И кормежка была лучше. И по стопке давали. От этих революций только башка трещит, ну ее!

Немцы наступали по всему фронту, и сложный вопрос о братании заглох сам по себе. Куда же там брататься, если брат-немец своего брата-русского на штык сажает и радуется... Кайзер забрал Тарнополь, наши войска оставили Галич и Станислав, все рушилось в наступлении, к которому призывал Керенский, и наступление обратилось в беспорядочное бегство и дезертирство. Русские войска разложились! Не желая воевать, они мародерствовали, занимались грабежом, насиловали женщин. Это была уже не та победоносная армия России, какую знали раньше, – это был деморализованный сброд... Ленин был прав, когда эту армию распустил и стал создавать новую армию – на новых началах.

А сейчас наши дела плохи, читатель!

***

Вскоре дезертировал минер «Новика» – лейтенант Мазепа. Вещички свои он оставил в каюте, чтобы они его в бегстве не связывали. Бежал в лучезарное сияние желто-блукитной хохлацкой автономии. Неожиданно к Артеньеву явился с рапортом Паторжинский.

– Я тоже ухожу, – заявил он.

– Дезертируете, – поправил его Сергей Николаевич.

– Нет. Я ухожу. Минер удрал на мотив «Ой, не ходы, Грицу», а я ухожу по мотивам благородного полонеза Огинского...

Артеньев жестоко изодрал в клочья рапорт штурмана:

– К чему это? Бегите уж так. Без официоза...

С вахты доложили:

– От Куйваста подходит «Гром»...

Мягкий толчок корпуса, скрип кранцев, хруст швартовых канатов – и «Гром» прильнул бортом к своему старшему брату. В дверь каюты Артеньева сразу же постучали – вошел артиллерист с «Грома», совсем молоденький лейтенант Владимир Севастьянов¹.

– Садись, красно солнышко, – невольно обрадовался Артеньев свежему человеку. – Откуда пришли и куда уходите?..

В разговоре о том о сем Севастьянов сказал:

– А я по делу... У меня сразу три гальванера сбежали, Сергей Николаич, не пожертвуешь ли для «Грома» одним? А то ведь случись – противника встретим, нам даже не отругаться от него. Со Старком мы договоримся: перепишет. Не скупись – дай!

Артеньев долго молчал, соображая. Потом сказал:

– Дам. Вот, ознакомься с этой светлой личностью...

Просматривая бумаги гальванера, Севастьянов спросил:

– Нет ли подвоха, Сергей Николаич, с твоей стороны? Ты сам был артиллеристом, как же можешь отдать такого специалиста?

– Ты просишь. Я уступаю. Чего не понять?

– Да ведь гальванер этот сущее золото для ПУАО.

Артеньев решил быть честным с товарищем:

– Володя, отдаю потому, что он большевик... Забирай!

Севастьянов пожал плечами, засмеялся, наивный человек:

– А у нас на «Громе» уже четырнадцать большевиков. Я с ними вполне лажу. Ладно, давай заберу и пятнадцатого...

На вечерней поверке Артеньев прочел команде приказ верховного главнокомандующего генерала Брусилова:

– Слушай: «Воспретить всякого рода митинги и общие собрания... считать их незаконными сборищами, направленными против родины и свободы, и рассеивать их силой оружия. Пункт второй: означенное запрещение считать боевым приказом, не подлежащим никакому обсуждению...» Надеюсь, в связи с этим вопросов у вас не возникнет.

– А кем подписан приказ? – раздалось из команды.

– Подписал генерал от кавалерии Брусилов.

– Так мы же на лошадях не ездим.

---

¹ В. В. Севастьянов – погиб в 1919 году в боях за Советскую власть, будучи командиром эскадренного миноносца «Гавриил».

– Все равно, – сказал Артеньев, сворачивая бумагу. – По кавалерии, по инфантерии, по дизентерии – это безразлично. Важен приказ и суть приказа... Семенчук! – вдруг резко выкрикнул он. – С вещами. Быстро. Перейти на «Гром»...

Два эсминца стояли, тесно прижавшись один к другому, словно предчувствуя скорую разлуку. В страшной тишине, нависшей над двумя кораблями, Семенчук перекинул свое барахло на «Гром». Перепрыгнул и сам. Артеньеву помахал рукой с мостика Севастьянов:

– Отдайте нам кормовые... благодарю!

«Гром» наполнился теплом, мелко задрожал и оторвался от «Новика». В какой-то момент Артеньеву показалось, что Семенчук вот-вот перескочит обратно. Но «Гром» уходил все дальше и дальше, весь в ослеплении бурого заходящего солнца.

– Прразойтись! – скомандовал Артеньев (дело сделано).

***

Мало было охотников в дни революции занимать полицейскую должность старшего офицера: чуть-чуть перегнул палку – и пулю в лоб заработал! Команда «Славы» своего старшего спровадила подальше. И сейчас матросы были удивлены, что на это вакантное гиблое место нашелся смельчак... Кавторанг Лев Михайлович фон Галлер².

– Фо-он? – насторожились все. – Этого нам еще не хватало...

Вообще, Галлер не вызывал симпатий. «Фон» он имел мало привлекательный: хмурый взгляд, пронизывающий насквозь, голос звучит резчайше – будто обжигает кнутом, рыжеватая щетка усов тоже не украшала кавторанга. Этот человек, специалист флота высокого класса, начал наводить порядок в «славянстве». Казалось, Галлер с луны свалился и не знал, что офицеров убивали. Он требовал! Не выносил обсуждение приказов на митинг для голосования, не ждал, когда выпадет ему резолюция, – нет, он совершал почти непростительную дерзость: Галлер приказывал, а отдавая приказание, он зорко следил – исполнено или нет?..

Большевики «Славы» собрались в корабельной прачечной, где было прохладно от цементного настила палубы. Городничий сказал:

– Все, братцы, меняется. Сейчас положение такое – никакого поражения, даже не могли думать. О братании забудь, скоро драка начнется. Иначе нельзя: конец России – конец революции... А к старшему уже присмотрелись: мужик дельный. Приказы его исполнять!

Время было трудное. «Слава» до середины лета не стронулась с антивоенных позиций: штабы и уговоры не могли снять ее с рейда. Старая заядлая обида на дредноуты из Гельсингфорса, которые всю войну канителились в Финском заливе, сейчас прорвалась. Люди устали. Тогда и большевики на митингах выступали так:

– Где же справедливость? «Слава» – туда, «Слава» – сюда, а эти биндюжники-дредноуты загорают и купаются, будто дачники. Дадут нам, славянам, отдых или нет? У нас же больных полно в команде. Психами многие стали... Почему нас, как будочников, на зимней стоянке в Моонзунде держат? Мы же подыхаем здесь. А деньги дают, будто в насмешку, русские. Финскими марками не платят. Придешь когда в Або или в Гангэ – хрен в тряпке купишь!

«Слава» была отличным кораблем, испытанным в боях, и лишиться броненосца командование не хотело. Всю команду подвергли медицинскому осмотру. Просветили рентгеном. Выстукали каждого, как на курорте. Психованных списали. В отпуск ездили «славяне» по белому литеру «А», будто аристократы. Заплатили им финскими марками. Они себе накупили

---

² Л. М. Галлер (1883–1950) – один из активных создателей советского флота, адмирал; командовал Балтийским флотом; начальник Главного морского штаба; заместитель наркома ВМФ в период Великой Отечественной войны; начальник Военно-морской академии кораблестроения и вооружения.

конвертов, расчесок, помазков для бритвы, пива выпили... Повеселели! После чего им была объявлена особая благодарность по флотам, и они выбрали якоря с грунта.

«Слава» снова вошла в Рижский залив. Командир ее, каперанг Антонов, осунулся за эти дни, жаловался на нервы. Старший офицер фон Галлер ни на что не жаловался. В пять часов утра, вместе с горнистами, он был уже на ногах. Правда, без улыбки и без вежливостей, но от старших офицеров никто и не ждет нежностей.

В команду «Славы» прислали сто человек салажни последнего набора. Пахло от новобранцев еще казарменной карболкой. Сами лопухие, стриженные, прожорливые. От вида сытной казенной пищи, за которую и платить не надо, они словно одурели. Позавтракав, обеда ждут. Пообедав, об ужине гадают. Поужинав, крестятся и зевают. Валят в церковь, молятся. Очень подозрительны ко всему на свете.

– Где война-то у вас здесь? – спрашивают. – Небось страшно по воде воевать? Дома-то речка... там вольготно!

Раньше, когда такой молодняк попадал на корабли, их брали в оборот «шкуры» – всякие унтеры, боцмана, боцманматы и кондукторы. Брали их круто, учили «по бельмам» и «по мордасам», но зато из любого сельского теленка в месяц делали порхающего по трапам дьявола. А сейчас вся салажня из-под контроля сверхсрочников выпала. Центробалт, исходя из революционных побуждений, распорядился всех «шкур» с флота выгнать. Это была непростительная ошибка. Шкура шкурой, но все-таки флот держался на боевом опыте сверхсрочников, занимавших на кораблях положение между кубриками и кают-компаниями. Среди демобилизованных были и очень нужные люди, крепко любившие флот и знавшие свое дело досконально. Их не стало теперь, в службе сразу что-то хрустнуло...

Правда, ушли не все. В один из дней в сигнальную палубу спустился кондуктор Городничий, бросил на рундук свои чемоданы.

– Принимайте, – сказал, – к своему корыту...

Китель он оставил в «пятиместке», оделся в матросскую робу. Пил по утрам мурцовку, а не кофе. Человек уже немолодой, возле губ скорбные морщины, и Витька Скрипов ему посочувствовал:

– Жалко мне вас. Табанили-табанили, и все маком!

– Сопляк ты еще, – отвечал бывший кондуктор. – Я бы тоже ушел. С превеликим удовольствием. Думаешь, не надоело мне по звонку вставать? По звонку уже сколько лет ем, как пес подопытный. А только, брат, сейчас с флота никак нельзя уходить. Раньше служил за погоны, а сейчас буду служить за партию.

– Вся власть Советам – так, что ли? – умудрил Витька.

– Этот лозунг уже снят.

– Как же так? Выходит, временных признать надо?

– Кости их, как и раньше. Но свергать погоды...

Витька слышал, как Балясин однажды сказал Городничему:

– Дыбенко сплеховал, скрыл – от матросов правду. Ему-то сейчас в тюрьме хорошо, и думать не надо, а мы вот тут – давай выкручивайся как знаешь...

***

Дыбенке в тюрьме хорошо, конечно, не было. Человек сильной воли и выдержки, Дыбенко допустил ошибку... Когда Вердеревский принес ему секретную телеграмму из штаба флота, Дыбенко скрыл от матросов истину. Он свалил всю вину на министров Временного правительства. Личная ненависть к Керенскому затмила ему глаза.

Он хотел спасти честь Советов, а... спасать-то и не стоило!

Гнев Ленина сейчас был направлен не только против министров-капиталистов и министров-социалистов. Казалось, в равной степени ненавидел Владимир Ильич и... Советы!

Партия временно сняла лозунг «Вся власть Советам!».

Ленин писал: «В данную минуту эти Советы похожи на баранов, которые приведены на бойню, поставлены под топор и жалобно мычат». Потому-то Ленин и считал, что «лозунг перехода власти к Советам звучал бы теперь как донкихотство или как насмешка...».

6

«Новик» покачивало на двинской воде, зеленели лужайки Больдер-Аа, паслись задумчивые коровы на травке, а вдаль смутно брезжила Рига... Рига! Неужели с ней можно расстаться? В улицы лифляндской столицы уже вступил царь-голод, уже стреляли по ночам, и кого-то казнили там – было не понять. Смутно! Нехорошо!

Фон Граф утром спустился в кают-компанию – благоухающий, даже без погон, он был элегантен. В руке каперанга, украшенной перстнем, хрустела свежая газета. Попивая чай, обратился к Артеньеву, явно вызывая его на откровенность:

– А знаете, политика все-таки капризна, как испорченная женщина. Вы напрасно ею пренебрегаете – иногда она доставляет острейшие пароксизмы удовольствия.

– Назовите мне самое острое удовольствие.

– Пожалуйста, – охотно согласился фон Граф. – Сейчас, после бурной вакханалии, я, как и многие мыслящие личности, стою за... Только не пугайтесь, – предупредил он. – Сейчас я сторонник поражения России в этой войне.

С грохотом отодвинув стул, Артеньев встал:

– Если вы хозяин на мостике, то здесь, в кают-компании эсминца, хозяином я! И я, Гарольд Карлович, не позволю...

– Постойте, – остановил его фон Граф, – я же не сказал ничего постыдного. Это мнение многих. Все логично. Большевики были пораженцами при царе. Мы становимся пораженцами при революции. В этом заключен большой смысл, почти гениальный.

– Я не вижу смысла в поражении, и мне противно.

– Конечно, присяга не допускает военных людей до мысли о поражении, – толковал фон Граф, – но зато политика допускает... Представьте, что кайзер вступил в Петроград. Что он делает? На безжалостном блюминге своих первоклассных дредноутов он в тончайший блин раскатывает русскую революцию... Кому польза?

– Германии, – ответил Артеньев с озлоблением.

– Ошибаетесь. Польза России...

К завтраку вышел артиллерист Петряев; в жизни этого молодого человека, бабника и запивохи, давно уже что-то сломалось. Сейчас он развернул газету, отброшенную каперангом, вчитался в нее.

– Вот герой моего плана – Корнилов! В конце концов, стране нужен Наполеон... Если же нет Наполеона, пусть придет и владеет нами хотя бы Наполеончик. И он предстал во всей красе! Пусть у него лицо калмыка, неказист и кривоног, но в нем что-то есть...

Артеньев через плечо лейтенанта глянул в газетный лист (это была кадетская «Речь»). Корнилов требовал смертной казни на фронте, никакой болтовни – только дело. «Довольно!» – восклицал Корнилов в конце своего интервью.

– Я тоже за это, – согласился Артеньев. – Но почему Корнилов, едва став главковерхом после Брусилова, сразу же оголил фронт под Ригой? На что рассчитывает этот ваш Наполеончик?

Петряев в раздражении отшвырнул газету:

– Да пусть он сдает эту Ригу, пусть немцы прутся до самого Урала... Мы дошли до конца веревки, и так жить дальше нельзя!

Фон Графф глянул на часы:

– Пожалуй, мне пора... кой-кого навестить, кое-что сделать. Я так занят, так занят... Кстати, сейчас в Москве готовится всенародное вече Государственного совещания, от штаба флота едет князь Михаил Борисович Черкасский. Центробалт нового состава, который столь удачно изнасилован адмиралом Развозовым, также посылает в Москву делегата. У меня имеется гостевой билет. Но ехать, кажется, не смогу: держит готовность.

– Дайте его мне, – неожиданно попросил Артеньев.

Каперанг с удивлением передал ему свой билет:

– Странно! Вы же политикой пренебрегаете.

– Мне интересно знать, что может сказать совещание, которое носит громкое название «государственного»... Благодарю. Съезжу!

Уходя, фон Графф задержался в дверях, добавив веско:

– В дополнение к прежнему разговору – о пораженчестве. Прошу не думать, что в этом вопросе имеется примесь прогерманских настроений. Хотя и «фон», но я считаю себя русским патриотом³.

– Это все равно, – ответил ему Артеньев. – В случае возникновения на мостике «Новика» подозрительной ситуации я вас, любезный Гарольд Карлович, просто застрелю и выкину за борт...

Графф, криво усмехнувшись, вышел. Петряев спросил:

– Из чего ты его думаешь застрелить? Из пальца?

Сергей Николаевич сунул руку в карман кителя:

– Оружие – дело чести, и я не сдал его команде.

– Ох, как ты играешь своей головой!

– Что ж. Это моя профессия. Мы же миноносники... За эту вот «игру» я и деньги от казны получаю!

***

Москва, – петербуржец Артеньев никогда не любил этого города, азиатски вылупившегося на мир каланчами и куполами, расписанными, будто ярмарочный пряник, с его диким хаосом кривых переулков и проездов, немислимых и пестрых. Душе петербуржца всегда ближе строгий порядок расчерченных линий еропкинских перспектив, колоннады храмов, почти античных, идеальная прямизна улетающих на Острова проспектов. Он считал, что Петербург – голова всей России, а Москва – ее жирное брюхо, плотоядно отвисшее...

Все московские извозчики, словно сговорившись, отвозили офицеров на Александровский вокзал. Артеньев тоже не избег общей участи; с трудом он пробился к перрону. Дороговизна в Москве была страшная, но почти все дамы и даже прапорщики несли букеты цветов. В накрахмаленной толпе буржуазии, в серягине фронтовых гимнастеров Артеньев высматривал темно-синие пятна флотской одежды. «Или я здесь один?» Князь Черкасский тоже отыскивал балтийцев и властно вытянул Артеньева за шеренги оцепления.

Приближался поезд с генералом Корниловым.

– Я слышал, князь, будто Керенский запретил главнокомандующему покидать Ставку... в такой трудный час!

---

³ Командир эсминца «Новик», который выведен в романе под именем «фон Графф», изменил вскоре отечеству, в эмиграции проживал в Мюнхене, был близок к гитлеровскому окружению начала формирования фашизма в Германии.

– Разве Корнилова кто удержит? – ответил каперанг. – Сейчас этот человек взлетает на гребне народной популярности...

Застыли оркестры, готовясь рывкнуть приветственным тушем. За четкою полоской юнкерских штыков строился бабий батальон, жестоко обтянув свои груди ремнями портупей. Тысячи глоток раскрылись разом и заглушили дыхание усталого паровоза. Прямо над ухом Артеньева бились звончатые медные тарелки. Корнилов стоял на ступеньке вагона, и Артеньев внимательно рассмотрел главковерха... Мундир на нем – генерала по Генштабу, через плечо хлестко закручен серебряный аксельбант, два «Георгия» тряслись на груди. Маленький человек (явно слабого здоровья) надвигался на Москву, как броневой снаряд. Было что-то литое в шупленьком теле генерала, похожего на стального кузнечика.

Цветы... цветы... цветы – они выстелили дорогу Корнилова.

Генерал шагал по цветам, давя каблуками потных солдатских сапог нежные лепестки орхидей. К нему, почтительно сняв котелки, приближались Родзянко с Родичевым.

– Гряди, наш вождь, и спасай Россию от погубления!

Только сейчас, затисканный справа женщинами, исколотый локтями георгиевских кавалеров спереди, Артеньев понял, что имя диктатора найдено, – вот он, идущий по трупам цветов. А за ним двигалась плотная стенка стройных, похожих на боксеров, англизированных офицеров со стеками, которые своими воплями во славу Корнилова напомнили Артеньеву театральных клакеров, бисирующих купившего их бездарного солиста. И по настилу перрона, дергаясь коленями на жестких досках, ползла, ползла, ползла... как в финале трагедии с убийством, разряженная фабрикантша Морозова.

– Спаси нас, голубчик, – призывала она Корнилова.

«Где я видел все это?» – невольно задумался Артеньев, и память подсказала: ведь такое же иступление, такое же кликушество он уже наблюдал однажды на Гороховой, 64... у Распутина!

Наконец клакеры подхватили Корнилова на руки и понесли, как триумфатора, через толпу – на выход из вокзала, крича:

– Дорогу спасителю Руси! Дамы, господа... дорогу!

С улыбкой на маске серого лица Корнилов качался над Москвой, над ее несуразными колокольнями, – казалось, в этот момент он способен воспарить даже над Иваном Великим.

– Спаси нас от супостата и хама! – призывала его толпа...

Потом, когда людей разредело, Артеньев с Черкасским вышли на привокзальную площадь. Стали шупать отодранные с мясом пуговицы. Поправляли измятые воротнички и манжеты. Оба даже вспотели.

– Ну, старлейт, что скажете? – довольно спросил князь.

– Могу сказать одно: здесь не обошлось без талантливого режиссера. Кто это был – Санин, Мейерхольд или Станиславский, того я не знаю. Но режиссура спектакля была блестящей. Я – вовсе далекий от политики человек, и то у меня екнуло сердце.

– Погодите, еще не то будет! – посулил Черкасский.

К ним подошел незнакомый матрос – делегат Центробалта.

– Это как понимать? – спросил он, вконец обалдевший.

– Теперь у нас главный кто: премьер Сашка или главковерх Корнилов?

Черкасский сильными пальцами держал локоть Артеньева:

– Между нами говоря, я за Корнилова... А вы?

***

Государственное совещание! Было немало офицеров и солдат с фронта. Серая вшивая «кобылка» (как звали окопников) не определяла лица этого вече. И сам Керенский, открывший

совещание, невольно стушевался... Внешне все выглядело прекрасно и даже респектабельно. В толпе делегатов мелькали визитки господ Гучкова и Милюкова; дыбилась на всех разлопаченная надвое борода князя Кропоткина; седая старуха Брешко-Брешковская хлопотала за кулисами, непрестанно жуя конфеты; были и «советчики» – Чхеидзе, Гоц, Дан; в длиннополом сюртуке, очень похожий на купца из Зарядья, похаживал психиатр Бехтерев; шлиссельбуржец Морозов был растерян; с виноватой улыбкой, словно попал в неприличную компанию, из которой никак не выбрался, бродил по коридорам знаменитый гидрограф-океанолог Шокальский с «Георгием» на шее...

Артеньев закрыл глаза, и в уши хлынули слова оратора.

Говорил профессор Соколов:

– ...после ленинского бунта в Петрограде, после тяжелого поражения на фронте мы опомнились в этом зале (зал Московского университета загудел). Яд ленинства разлагает нашу национальную политику и ее главную опору – армию. Самого Ленина еще не было в России, а его идеи уже оказывали разрушительное воздействие на нашу общественную жизнь... Ленинство в армии пошло у нас от приказа номер один. Ленинство остается, как учение, целостным и законченным. Оно до сих пор верно лозунгу коммунистического манифеста: «У пролетария нет отечества!» Однако братства народов ленинская проповедь нам не принесла, и результатом разлагающего влияния большевизма явилось новое торжество германского милитаризма... Наша революция, – возвысил пафос Соколов, – была прекрасна, пока она была революцией народной, а сейчас величавый ее поток разделился на множество мутных, грязных ручьев. Если мы хотим спасти революцию, – закончил профессор, – мы должны вернуть ее к чистым национальным истокам...

– Вы почему не аплодируете? – спросил князь Черкасский.

– Из этой речи я не сложил выводов...

В перерыве Артеньева перехватил в коридоре корреспондент.

– Моряки помалкивают, – сказал он. – А нашей газете было бы любопытно установить, о чем думает офицер Балтийского флота.

– Я не расположен говорить, – помялся Артеньев. – Политика не моя сущность. И я запутался в дельте революции, где к морю выводят протоки различных партий, больших и мизерных.

– А что вы думаете о спасении России? Конкретно.

– Россия – не Франция, наш век – не век Людовиков, и Наполеона страна отрыгнет, как плохо переваренный кусок гнилого мяса. Но мне, как офицеру эсминца, всегда спокойнее, если на мостике стоит один адмирал, нежели их будет толпиться сразу десять. Пусть уж на Руси останется одна партия, как один адмирал, чтобы больше мы не вихлялись на путаных курсах революции.

– Одна? – засмеялся корреспондент. – Но одна партия при демократии невозможна. У вас какие-то черносотенные взгляды...

«Опять меня назвали черносотенцем... За что?»

Все ждали, что скажет Корнилов.

***

Гремела бурная овация – Корнилов уже стоял на трибуне.

Зал поднялся, кроме левой части его, где сидели солдаты-окопники. Вот только они не встали, и тогда – справа:

– Солдатам – встать! – кричали негодующие.

Справа перекинулось налево, как смачный плевок, одно только слово – презрительное:

– Холопы...

И это слово вдруг так обожгло Артеньева, что он сел.

Начинался самый ответственный момент государственного совещания. И начинался самый ответственный момент в биографии старшего лейтенанта Артеньева, выходца из обедневших дворян, сына питерского учителя... Итак, читатель, – слово Корнилову:

– Враг стучится в ворота Риги, и если неустойчивость нашей армии не удержит нас на побережье Рижского залива, то дорога на Петроград будет для немцев открыта...

Шум. Керенский. Колокольчик. Взвизгивающий голос премьера:

– Не мешайте сказать истину первому солдату Республики!

Корнилов продолжал – отрывисто, словно стрелял из пулемета, когда враг наседает, а патронов почти не осталось. Корнилов расстреливал сознание людей короткими очередями:

– ...солдаты пятьдесят шестого полка отказались держать позицию!.. Полковник Стрижевский, звавший в атаку, был поднят на штыки!.. Смертной казни на фронте еще мало! Я предлагаю ввести смертную казнь и в тылу!.. Враг угрожает хлебным провинциям!.. Мы потеряем Молдавию с Бессарабией!.. Упразднить все ревкомы и советы!.. Иначе я за сохранение Риги не могу ручаться!..

Артеньев вдоль рядов уже пробирался к выходу.

– Куда вы? – свистящим шепотом задержал его Черкасский.

– Я все понял, – ответил старлейт и покинул зал...

В жизни каждого человека бывают минуты прозрения. Так влюбленный супруг, боготворящий красавицу жену, вдруг с ужасом узнает об осквернении ею брачного ложа. Так – перед смертью – иногда вдруг начинают видеть слепцы, и жизнь в последние мгновения дает им счастье увидеть лица близких.

– Хватит! – сказал Артеньев на улице. – Я уже не мальчик...

Однажды в порту Либавы ему пришлось наблюдать за работой американского бульдозера. Было странно видеть, как под натиском железной мощи раскрывается почва, рушатся в ров громадные камни и птичьи гнезда, в которых трепыхались птенцы... Безжалостная работа! Все под откос, – и так же вот сейчас прошел через сердце корниловский бульдозер, отбрасывая в овраг все лучшие чувства Артеньева – веру в долг и страсть патриотизма... Сергей Николаевич понял, что тарнопольское поражение сделало Корнилова главнокомандующим.

А когда он сдаст Ригу – он станет диктатором.

Наполеон создал себя на победах.

Корнилов создает себя на поражениях.

В этом гигантская разница!..

И четко оформилась окончательная мысль Артеньева: «Вашему позору я более не слуга...»

– На Рижский? – спросил извозчик, расправляя вожжи.

– Нет. На Николаевский. Еду в Петербург...

***

Рано утром он был уже на Невском. Раскрыл в руке коробок спичек и заговорил без смущения, а даже с наглым вызовом:

– Господа прохожие! Вот перед вами заслуженный офицер бывшего императорского, а затем республиканского флота. Если желаете купить спички, то покупайте у него... Только у него покупайте!

А рядом расположился со спичками обтерханый солдатишко, ноги которого в английских обмотках, и они обтягивали эти тощие ноги солдата, как лента изоляции перепревшие старые шнуры.

– Ты заслуженный, а мы, выходит, и не заслужили?

– Помалкивай. Тебе офицера не понять...

Тогда солдатик распахнул шинель на себе, а оттуда блеснуло золотом и мишурой былого мира. Мундир полковника лейб-гвардии с регалиями такой первостепенности, какая Артеньеву и не снилась.

– Извините, – буркнул он и отодвинулся от конкурента...

Был ранний час. Разбредались по домам проститутки. С похмелья жадно хлебали воду из дворничьих кранов, которые все они открывали, но ни одна не закрутила обратно, и вода текла по панели. Прохожие были редки еще. Один из них, одетый под Макса Линдера, в котелке и при тросточке, удивленно присвистнул. Артеньев тупо смотрел на него, и не сразу понял, что перед ним штурман.

– А вот это, – сказал Паторжинский, – уже срам... От кого угодно, но от вас я никак не ожидал подобного падения...

Артеньев рассыпал спички по земле и горько зарыдал. Паторжинский отвез его на Фонтанку, 24; остановились перед дверью, на которой медная табличка свидетельствовала о хозяйке квартиры: «Берсонь». На звонок им открыла оборотительная женщина в трауре.

– Янина, – сказал ей штурман, – это мой товарищ по флоту.

За скромной табличкой «Берсонь» укрывалось подлинное великолепие. Готический зал вел в залу концертную, устроенную по образцу Веймарского дворца, и еще был зал – для собрания саксонского фарфора. Множество картин висело на стенах, часть из них уже была скатана в рулоны... Паторжинский сказал:

– Наше коло провело здесь польскую выставку, чтобы привлечь внимание русской общественности к нуждам поляков.

– Но я вижу здесь Венецианова, Брюллова... – осмотрелся Артеньев. – Бог мой, но при чем здесь Репин и Серов?

– Сознательно! Родство двух великих славянских культур не подлежит сомнению... Ну, Семирадским тебя не удивишь. А вот, посмотри: это Бакалович. Кстати, ведь ты обожаешь портреты, вот – оцени Лампи... Остатки сладки былого вернисажа. Ладно. Тебе, я вижу, сейчас даже не до этой прелестной миниатюры.

– Да. Тяжко. Бог с ней, с миниатюрой...

Паторжинский уселся в готическое кресло.

– Старшóй! – сказал он Артеньеву, как на корабле. – Пятнадцать лет я посвятил русскому флоту, и не раскаиваюсь. Но, кажется, ты стал в этом раскаиваться... Яничка, можно кофе?

Женщина, вся в черном, бесшумно подала им кофе: подходя, она поправила эскиз Баччиарелли и удалилась, ступая бесплотно, как дух поработенной Польши... Паторжинский посоветовал Артеньеву вернуться обратно на флот и придвинул ему сахарницу.

– Я могу вернуться, – натужно произнес старлейт, – только ради единой цели: чтобы погибнуть на флоте! Но служить на флоте я больше не желаю... Я устал от угроз и оскорблений.

– А я вам даже завидую, – вздохнул Паторжинский. – У нас ничего нет, кроме прошлого. Будущее пока в неясных программах, и мы живем на Рембрандтах, вывезенных нами из тех замков, где пируют сейчас наглые тевтоны... Мы ужасно одиноки!

– Но у вас цель, а я свою цель потерял. У меня всегда были маленькие потребности, – признался Артеньев. – Раньше они выражались в желании отлично служить, а по вечерамковыряться в каталогах. Сейчас... какая служба сейчас? Разве это служба? Это горе наше. Кругом вопли, суматоха... предатели! – сказал он, вспомнив о Корнилове. – Я согласен подставить себя под пули, но только под вражеские. Ждать, когда тебя убьют свои, противно.

– Россия, – заговорил Паторжинский, – вообще такая страна, в которой к людям всегда относились с беспощадной черствостью. И нигде так не оскорблялось человеческое достоинство, как в России. Поверь, я-то, поляк, это хорошо знаю. Но... возвращайся!

– На флот?

- Да. Вы, русские, сами не знаете своего счастья.
  - Мы тоже в трауре, как и ваша прекрасная Янина.
  - Траур легко снять.
  - Но мне больно... вот здесь!
- Он коснулся груди и, поникший, ушел.
Спичек на Руси не было. Чести не стало. Как быть?

7

Немцы везли в обозах мармелад и оркестры, маргарин и виселицы. Они устраивали спектакли народных хоров и отличные концерты. Планы кайзера были таковы: всех балтов из Прибалтики выдать в Россию, словно крем из тюбика, а взамен потребовать от России всех немцев Поволжья, Волыни, Херсонщины и Кавказа, которые и должны колонизировать новые германские земли на Востоке.

Чуткое ухо Берлина было повернуто в сторону трибун России, на которых выступали думцы, министры и генералы. Речь главковерха Корнилова на государственном совещании в Москве была для немцев как сигнальный звонок, приглашающий войти. Именно так ее и поняли в Берлине: «Рига открыта!»

Германские войска двинулись на город. Им удалось форсировать Двину возле станции Иксуль, и под угрозой окружения оказалась XII армия – самая мощная, самая упорная, самая революционная. Из «мешка» Гинденбурга, сочась кровью через грязные бинты, армия вывернулась, но Рига пала. Получив приглашение от Корнилова, кайзер не заставил себя ждать. Русские моряки все же успели взорвать форты крепости Усть-Двинска, их корабли, спешно набирая обороты, уходили в мелководные теснины Моонзунда.

Берлин в эти дни ликовал:

- Следующий удар рапирой под сердце – в Петроград!

Но прежде на Петроград тронулся не кайзер, а сам Корнилов. Смерть становилась популярна, и корниловцы несли на руках ее эмблему – череп с костями. За корпусом Корнилова шли на Петроград английские броневики, за рулями которых сидели британские офицеры, ради приличия переодетые в русскую форму. Антанте уже надоел болтунишка Керенский – нужен диктатор с волевым лицом, с железным кулаком, из которого рассыпаются горсти пуль.

Керенский в панике метался по Малахитовому залу царского дворца. Премьер понимал, что спасти его могут только большевики, но для этого надо их легализовать. Выпустить из тюрем арестованных. Даже своего личного врага – Павла Дыбенко.

- Охрану себя я могу доверить не бабам, а матросам!..

В Зимний дворец вступила рота матросов с крейсера «Аврора».

Не надо удивляться парадоксам революции, ее удивительным изгибам: в дни корниловского мятежа «Аврора» с пушками встала на защиту Керенского. Исторически это было правильно, и логика революции не страдала: Корнилов с генералами хуже Керенского с его министрами. ЦК ленинской партии призывал сплотиться для борьбы с корниловщиной. Начала создаваться Красная гвардия – предтеча будущей Красной Армии. Лозунг «Вся власть Советам!» обретал новую силу, новое значение...

Приказом по армии Керенский сместил Корнилова с поста верховного главнокомандующего. Мало того, он сам заступил этот пост. Мрачный фанатик массовых убийств – Гинденбург – никогда в жизни не смеялся. Но, говорят, он хохотал до упаду весь день, когда узнал, что Керенский взял на себя управление фронтами.

– Вот Россия и кончилась, – сказал Гинденбург. – Просто удивительно, что эта гигантская империя много столетий была обманчивым миражем. Как мало ей надо, чтобы она развалилась!

Керенский не был главнокомандующим, недаром его прозвали «главнооговаривающим». Но уже разгорались огни Смольного...

***

Раньше на кораблях били морду, если кто оговаривался словом «оборона». Считался предателем тот, кто осмеливался произнести слово «наступление», – таких арестовывали и посылали на фронт, кормить вшей в окопах... Падение Риги заставило о многом задуматься: враг целил на Петроград! Теперь уже не боялись этих слов – «оборона» и «наступление». Изменился сам язык резолюций. Благоглупости кончились. Уже не стали до хрипоты требовать, чтобы созвать Учредительное собрание непременно на Якорной площади в Кронштадте. Гельсингфорс уже не пылил над Балтикой мусором требований особо почтительного отношения к матросам...

И очень хорошо (на пользу революции) проболтался Родзянко:

«Петроград в опасности... Я думаю, что бог с ним, с этим Петроградом. Опасаются, что в Питере погибнут центральные учреждения. На это я возражаю, что очень рад буду, если все эти учреждения погибнут, потому что, кроме зла, России они ничего не принесли. Со взятием немцами Петрограда флот все равно погибнет, но жалеть о нем не приходится – там есть суда совершенно развращенные».

Балтийский флот опять просеивал своих офицеров через мелкое сито недоверия. В каюткомпаниях брали расписки в том, что они против Корнилова, не пойдут за Корниловым, проклинают Корнилова! Кто отказывался – убивали... Лучше подписаться. Пусть Корнилов сам воз вывозит – без нас. И все чаще на флоте слышалось, передаваемое отрывистым шепотом, словно засекреченный пароль:

– Моонзунд... Моонзунд... Моонзунд!

Корнилова били политически. Кайзера резолюцией не хлопнешь.

– Товарищи, только кровь, только жертвы, только смерть наша остановит Вильгельма на подступах к столице революции. Мужайтесь, товарищи: близится наш смертный час, и вечную память потомства заслужим мы в веках. Мы согласны погибнуть, чтобы не погибла наша революция, наша Россия! – вот как заговорили на митингах...

В эти дни, далекий ото всего, Артеньев проснулся рано утром весь в холодном поту. Кто-то звонил с лестницы, и пустая неприбранная квартира наполнялась пугающим звоном. Спросонья ему показалось, что это снова забили, как по тревоге, колокола к бою.

– Кто там? – спросил он перед дверью.

– Обыск. Открывай...

Корнилов был побежден. На окраинах столицы уже разбирали баррикады. Под нажимом корниловщины «правительство спасения» само развалилось, и на его руинах Керенский создал власть Директории из пяти человек (во главе с собственной персоной). Непостижим был выверт судьбы адмирала Вердеревского: прямо из застенков Петропавловской крепости он вошел в состав Директории как один из правителей Российской республики... Вот именно к нему и решил обратиться Артеньев со своим делом. Из кризиса надо вылезать!

...Кстати, при обыске личное оружие у него забрали.

***

Республика была названа «Российской», но «демократической» ее не назвали. В ответ на это балтийские корабли стали протестовать поднятием стеньговых флагов. Их красные конусы

колыхались рядом с флагами андреевскими, белизна которых означала воинскую честь и доблесть, а синий крест был символом верности долгу...

Ренгартен навестил комфлота Развозова:

– Матросы заявляют, что красные флаги на стенах эскадры не опрокинут. А ваш адмиральный флаг они перевернули «крыжем» книзу. Так и болтается...

– Передайте выборным от команд, что флаги никак не могут служить для выражения протеста. Не нравится им буржуазная республика, так не я ее делал! Но зачем же оскорблять меня, оборачивая мой флаг вверх ногами?

Конечно, когда адмиралу 38 лет, когда его флаг осрамлен, перевернутый «крыжем», можно и взбелениться. Но, кажется, Александр Владимирович Развозов решил не обострять отношений с флотом. Его сейчас волновал созыв второго Всебалтийского съезда.

– Съезд необходим, – соглашался командующий.

– Но съезд будет исключительно большевистским, – предупредил адмирала Ренгартен. – После разгрома корниловщины большевики окрепли. Эскадра строится за ними в кильватер. Вы посмотрите: эсеры толпами, буквально целыми командами кораблей перебазируются в партию ленинцев... Что можно ожидать от такого съезда?

– Очень многого.

– Разве вам было мало анархии? – заметил Черкасский.

– Предостаточно, – парировал комфлот. – Но большевики организованны. Они способны выправить кривизну и шатания эскадры.

– Большевики, – припугнул его Ренгартен, – носятся сейчас с идеей, чтобы поставить на мостики кораблей своих комиссаров. А это – уже хамское вмешательство в наши оперативные дела, в которых комиссары разбираются, как свинья в парфюмерной лавке.

– Пусть! – сказал Развозов, поднимаясь из кресла легко, как мальчик. – Да, пусть... Я уже изнемог от всяческих безобразий. И сейчас я соглашусь подписаться под любой большевистской резолюцией, лишь бы большевики вывели флот из гаваней в сражение...

Еще раз он поглядел на свой оскорбленный флаг.

– Очевидно, мне следовало бы сдать флот другому человеку. Но ежечасно притекает обилие оперативной информации. Новому комфлоту будет труднее... Я решил остаться. Едем, Иван Иваныч!

– Куда прикажете, Александр Владимирович?

– В Директорию – к Вердеревскому.

– Что мы скажем ему? Он только что из тюрьмы, а мы...

– А мы... хоть в тюрьму! Но я скажу то, что думаю. Съезд нужен. Пусть большевистский.

Когда гром грянет, креститься будет уже поздно. Всегда надо креститься заранее...

***

Возле дверей кабинета Вердеревского его придержали:

– Член русской Директории занят.

– И надолго? – спросил Артедьев.

– Подождите. Сейчас у него комфлот Развозов с Ренгартеном и Демчинским... Дела неотложные – дела политические. А у вас?

– У меня, по сути дела, вопрос личного устройства.

– Тогда не спорьте и подождите.

Сергей Николаевич вскоре предстал перед Вердеревским. Гладкая голова адмирала лоснилась при свете люстр, и не хотелось верить, что адмирал только что вышел из того Алексеевского равелина, где были навеки погребены лучшие умы России.

– Как видите, я бодр, здоров, деятелен. О моем заключении и моем возвышении в истории сообщат, как о забавном анекдоте...

Артеньев напомнил адмиралу, что начинал службу на «Новике» в должности артиллериста.

– «Новик»! Краса и гордость флота российского, – перебил его Вердеревский, явно взволнованный этим напоминанием. – Никогда не забуду, что имел честь быть его первым командиром. Заранее обещаю, что исполню любую просьбу офицера с «Новика»...

Артеньев щелкнул каблуками, выпрямился:

– Я желаю погибнуть за отечество.

Вердеревский отступил – даже в некотором разочаровании:

– Я думал, ваша просьба сложнее. А погибнуть так легко. Но я вам обещаю... даю слово... вы будете иметь случай для этого!

8

После Питера меркло в глазах от изобилия даров земли, и Артеньев даже размяк душой, когда перновский буксирчик высадил его в Аренсбурге. Пустое серое Море обнимало отцветающую землю Эзеля. На эстонском базаре даром, буквально за гроши, ведрами продавали шпанскую вишню; сливы – величиною в кулак – еще хранили в себе ночную прохладу. Бергамотовые груши лежали перед ним – такой сочности, что боязно в руки взять.

Однако напрасно старлейт пытался купить что-либо, предлагая «керенки»: эстонцы отворачивались, делая вид, что по-русски не понимают. И какой-то разболтанный солдат сообщил дружелюбно:

– И не проси – не продадут. Все они тут с фрицами похимичились. Любого бери и вешай – не прошибешься: агент германский!

При этом солдат поглощал вишни, груши укладывал в шапку.

– Но тебе-то они ведь продали?

– Мне? Не... Я подошел и отнял. Имею право?

– Не имеешь. Потому они и не желают по-русски разговаривать.

На шпалерах заборов дозревал эзельский виноград. Из шумящей зелени тополей краснели черепицы угловатых крыш. Возле купален лежал опрокинутый санаторный щит-плакат. Артеньев поправил его, проходя мимо, и прочитал на нем: «Дамы! Избегайте морских процедур при беременности и кормлении грудью». Из калитки вышел человек интеллигентного вида с портфелем, и Артеньев попросил его показать, где находится дом Емельяна Пугачева.

– Вы хотите сказать – дом родителей славного бунтовщика, которые были сосланы сюда, в Аренсбург? Тогда спуститесь по Лангштрассе на косую Шлосштрассе. Пугачевские дома (их здесь три) вам покажут. А в замке вы были?..

Он навестил и замок, ибо страсть к прошлому никогда в нем не угасала. Замок Аренсбурга был засыпан зерном, служа амбаром для горожан. На третьем этаже Артеньев постоял в зале тайного судилища, где инквизиторы-фрейшепфы пытали узников. Вековым ознобом несло из ледяной скважины провала в львиную яму; осужденного бросали туда, и долго потом слышался грозный рык – львы поедали осужденного... С тихим шорохом через щели древних камней просыпалось сытное зерно. И, как зерно, был рассыпан здесь прах незабвенной давности. Горели в этих лесах костры пирующих пиратов, а корабли их качались на рейде. Господин Великий Новгород приходил сюда с несметными полчищами ушкуйников. В свирепых сечах новгородцы убивали и полонили светловолосых разбойников. Вот тогда эсты с почтением произносили имя русского. Сергей Николаевич через узкую бойницу глянул на море: наверное, вот тут стояла в 1188 году новгородская эскадра в пять тысяч людей под парусами, отсюда русские

(заодно с эстами) пошли от Моонзунда, чтобы уничтожить разбойничье гнездо на Балтике – шумный и расточительный Сигтуну, столицу пиратов.

Сыпалось мирное зерно, и рычали львы, поедая людей.

«Минувшее проходит предо мною...» Артеньев вдруг услышал, как противно скрипят шарниры колен и локтей на панцирях меченосцев. Псы-рыцари замешивали известь своих замков на крови рабов, на белках куриных яиц – ради мистической прочности. Епископы топили язычников в прорубях; магистры рассекали младенцев языческих плоскими мечами. Струились века, как это зерно, и наконец вспыхнул над Аренсбургом флаг русских каперов. Иван Грозный отправлял отсюда свои караваны, груженные медом и пенькою, рыбьим зубом и мехами, жемчугом и дегтем, слюдою и поташом. Но только в 1711 году Россия властною ногою ступила на острова, и флаг эскадры Наума Сенявина заполоскало в проливах Моонзунда – победно! А теперь вот эстонцы ждут немцев... «Обидно, еще как обидно!»

Сергей Николаевич вышел из замка, в глаза брызнуло солнцем. Неподалеку стояла коляска на дутых шинах, запряженная парой добротных лошадей. На диванах коляски сидела женщина, и Артеньев едва поверил своим глазам. Это была Лили Александровна фон Ден, урожденная баронесса Фитингоф. Дама из свиты Распутина заметно осунулась, но лицо ее было свежим и румяным от спокойной жизни в провинции. Она узнала Артеньева, и он подошел к ней сам:

– Добрый день. Как вы оказались, здесь, сударыня?

Прошлое не отступило от женщины, умевшей ненавидеть.

– А где мне быть? На Эзеле наша старинная мыза Веренкомпф, которую я принесла в приданое мужу... Посмотрите на этот замок Аренсбурга: разве он не высок?

Артеньев невольно обернулся: да, высок!

– Какие тяжелые и дикие камни, верно? – спросила Лили Александровна. – Эти вот камни шесть столетий назад на своей спине таскали мои предки, бароны Фитингофы, и после этого вы еще осмеливаетесь спрашивать меня, почему я здесь?.. Эта земля испокон веков наша, – произнесла она с глубоким значением и зонтиком ткнула в спину эстонца-кучера: – Форвертс, Яган!

Сытые лошади, кормленные овсом, вымоченным в пиве, легко покатали вдовицу в гору, и долго не могло улечься облако душной пыли... Артеньев за лечебницей снова поправил, втыкая в землю, пошатнувшуюся рекламу от прошлых времен, которая возвещала: «Для писателей – членов Литературного фонда ванны у нас бесплатно!» Конечно, это смешно... Разве найдется женщина, кормящая грудью, или писатель, беременный романом, которые бы рискнули сейчас навестить эти края? Приезжают смертники – вроде Артеньева!

***

Он уже знал, где примет смерть, это место называлось Церель. Он ехал на батарее, стерегущие от немца Ирбены. Ехал на телеге с солдатами, свесив ноги между колес, а вокруг расстилались поляны, на которых по-русски колыхался неубранный лен, доцветала тимофеевка. Проплывали вдали от дорог мрачные, как заброшенные форты, баронские мызы – с башнями, кирхами, с кладбищами.

– Эх, устроились! – рассуждали солдаты-попутчики. – Намедни самолет германский летал, так бароны простыни свои сушить стали. Разложат на траве и сушат... Сигналят, а не придерешься.

– А близ нашей батареи они эдак-то нахально пруток поставили на кирхе и стучат... по радиву, значит. Крейсерам своим знаки делают. Вобщем, гроб нам здесь с крышкой и с гвоздями. И живым не знай, как выбраться. Море стережет. Одно слово – остров!

– Дома-то помирать легче: там по-русски разговаривают.

– Верно: в России б укрылся. А тута пропадем все...

Артеньев долго терпел, потом не выдержал и сказал, чтобы прекратили свое нытье – не скулить надо, а готовиться к бою, не щадить себя и крови своей для защиты отечества, для славы!

– У-у, куда заехал, – смеялись солдаты. – Завел волынку, будто в старые времена. Ты нам по совести ответ дай: на што мне война? на што мне Эзель? Я же весь изранетый да еще трипперный. Мне домой хоца – там меня баба заждалась!

– К бабе не спеши... с триппером, – посоветовал Артеньев. – А речи мои не старого времени, а нового – революционного.

Солдаты сошли на какой-то батарее, долго виделись среди картофельного поля, болотистый лесок укрыл их в вечерних сумерках. Когда их не стало, возница-эстонец придержал лошадь российским «тпру-у», достал бутылку с самогонкой, наваренной из гнилой картошки, извлек из сумки две копченые камбалы. Стал угощать.

– И что за свинский народ пошел, – говорил он. – Ни стыда ни совести! Раньше воин российский крепче был...

Артеньев выпил. Обожгло горло. С утра крошки во рту не было. Жадно вцепился он зубами в пахучий и жирный бок камбалы.

– Спасибо, приятель. Сам-то ты кто будешь?

– Я, господин офицер, природный русский матрос. Цусиму на себе испытал. Минный машинист первого класса – Тынис Муога. Соседи наши с Даго больше в каботажа уходят, а нас, эзельских крестьян, к морю привычных, на военный флот забирают... Дать салаки?

– Дай. Ты на каком служил?

– На «Авроре». Нам повезло: «Аврора» из Цусимы своим ходом вырвалась... Разве такие огарки, как эти солдаты, прибавят славы? А мы были орлами. Восемь лет оттабанил, как по склянкам: от и до! Смотрю я сейчас вокруг, и многое мне не нравится.

– Кому тут понравится... Женат? – спросил Артеньев.

– Попалась тут мне одна... рыжая да богатая.

– Удачно пришвартовался?

– Как сказать... не деремса, и то ладно. – Тынис Муога тронул вожжи, и лошаденка потащила телегу, отчаянно визжавшую колесами по мокрому песку. – Неужели вы уйдете? – спросил он с тревогой.

– Уходить-то некуда: за Моонзундом – Петроград, самый умный город в России... Постараемся костью разлечься! Хочу верить, что доблесть еще не умерла в людях. Что еще сказать тебе?..

С моря эзельскую ночь рассекло прожектором. Исчезли вдруг сладкие запахи торфяных мхов и клевера – море властно несло свои ароматы, всегда волнующие: рыбы и водорослей, йода и соли. Уже слышался ропот волн, и Тынис Муога сказал:

– Вот и Церель... шумят Ирбены! Прощайте...

Утопая в сыпучем песке разношенными ботинками, Артеньев побрел в темноту, и Церель встретил его гробовым молчанием.

***

Тогда он стал кричать. Он кричал не потому, что ему было страшно за себя. Артеньев звал караул, которого не обнаружил:

– Эй, люди! Кто-либо живой... отзовитесь!

Скрипнула дверь землянки, вылез матрос в кальсонах:

– Кто здесь раззевается, спать не дает?

– Где охрана? Где дневальные?

– Ну, я тебе дневальный... Чего надо?

– Дрыхнешь, скотина? – не выдержал Артеньев.

Матрос сунулся в провал землянки, вытащил винтовку:

– Гробану сейчас в доску без проверки документов... Чего разорался на все Ирбены?

Ты кто таков?

– Командир Цереля. Встань, как положено.

– Но-но! Разбудил, да еще стоять я тебе буду... Ха!

На батарейных плацах, между орудий, даже во мраке угадывался хаотичный развал. Под ногами катались брошенные снаряды, а между дулами пушек, глядящих в Ирбены, были растянуты бельевые веревки.

– Караульный, объясни мне свои обязанности.

– Могу! Братву разбужу, и она тебе глотку заткнет...

Артеньев ударом ноги выбил из рук матроса винтовку, и она прочеркнула мимо лица его, взлетая кверху острием штыка.

– Вот так, – сказал ему Артеньев. – А теперь нажми педаль колоколов громкого боя: я объявляю на батарею тревогу...

По боевой тревоге никто (никто!) не встал к орудиям. Но бешено работающие звонки и мычанье сиплых от сырости ревунов способны поднять мертвецов. Крутя сигарки и тут же справляя нужду в кустах, замелькали по батарею потревоженные тени людей.

– Какая стерва нас будит? Поспать не дают, сволочи...

Артеньев спросил – есть ли на Цереле ревкомитет?

– Найдется. Выбрали тут одного гаврика.

Гаврик был тоже предельно возмущен.

– Кака така тревога? – орал он на офицера. – Ты что, с потолка свалился? У нас коли тревога, так об этом надо людей за сутки предупредить. И ты здесь свои порядки не разводи...

– Скажи, гаврик, а немцы тебя тоже за сутки предупредят?

– Плевать мы на немца хотели! А ревком действует в согласии с командиром всех укреплений Сворбе – каперангом фон Кньюпфером. Ишь ты, баламут! Прискакал среди ночи. Людей с кроватей рвешь, будто при старом режиме... Это ты брось!

Телефон на батарею Цереля не работал.

– Почему зуммер скис?

– Не скис. Это, видать, местные бароны опять обрезали...

Штаб по обороне полуострова Сворбе размещался недалеко от Цереля, в рыбацкой деревушке Менто. На рассвете высокие травы были мокрыми от росы. В командном блиндаже – стол после ужина. Початая бутылка превосходного коньяку. Вскрытые банки сардин. Печенье. На стуле валялась пара боксерских перчаток. Застегивая на себе мундир, вышел фон Кньюпфер:

– Как устроились? Позавтракаем вместе?

Выяснилось, что фон Кньюпфер раньше служил на «Гангуте».

– Знаете, там была эта история с бунтом. Меня огрели поленом по голове и еще сделали виноватым. Сослали в эту тьмутаракань, как в ссылку. Но я, как видите, за два года стал капитаном первого ранга. А те, хорошенькие и чистенькие, что под суд не попали, так и громяют до сих пор в чинах лейтенантских...

– Когда начнем приводить Церель к бою? – спросил Артеньев.

– А никогда... Никогда, – поправился он, – батареи Цереля к бою нам не привести, ибо анархия революции все разлагает.

– Но так же нельзя, черт возьми! Перед нами – Ирбены!

– Можно, – не мигая, отвечал фон Кньюпфер. – Так-то оно и лучше: если генералу Корнилову не удалось раздавить Петроград, так пусть это сделают Гинденбург и Хиппер. Мое бла-

гословение им и благословение всей мыслящей России: может, немцы избавят нас от этого позора большевизма... Почему вы не едите?

– Не хочу.

...Он очень хотел есть.

***

Днем прибыл на батареи крепыш-матрос. Пришел он босиком от самого Аренсбурга, перекинув через плечо связанные шнурками ботинки. На ленточке бескозырки его горело золотом – «Самсонь». Возле пояса болтался маузер. Клеши раздуло от бомб-лимонок, рассыпанных по карманам, как яблоки. Без церемоний он сунул руку:

– Ты за командира? Ну, здравствуй. Я – Скалкин, прислан на Церель по приказу Центробалта... комиссаром. Не испугал?

– Да нет. Страшнее того, что здесь творится, не будет.

– Это мы исправим. Сейчас перво-наперво своих поищу.

– Земляков, что ли?

– Да ну их к бесу, земляков этих! Вот когда закопают нас за милую душу, тогда все мы, старлейт, земляками станем. А сейчас пошукаю большевиков. Не может так быть, чтобы в эдаком раю не сыскалось хоть одного с мозгами...

В этот день кто-то стрелял в Артеньева из винтовки. Пуля вжикнула под локтем, едва не задев руки, он обернулся к кустам:

– Эй, как тебя?... Это же подлость – стрелять в спину!

Скалкин, ботинок не надев, босой гонялся по землянкам и баракам, кулаками и лозунгами выгонял прислугу на построение:

– Товарищи! Время не такое, чтобы прохладиться... Ты никак косой? А ну, дыхни... Два пальца в рот и вытрави, что выпил... Товарищи, говорю я вам, враг не ждет: кровью нашей обмоем дорогу до Моонзунда... Ходи все наверх! Кто там валяется, словно падло худое? Встать! Встать по приказу революции... Сейчас, в этот исторический момент, ты плетешься, будто вошь в баню...

Артеньев потянул босяка-комиссара за рукав форменки:

– Слушай, мне жалко твоих трудов. Я уже пытался...

– Держись на товсь, – отвечал Скалкин. – Никогда не теряй хладнокровия... Большевики обнаружили. А тебя, коли ты за порядок и дисциплину, я отныне буду считать сочувствующим. Ты сейчас встань сбоку и наблюдай, как я печатать всех стану. Не бойсь: я на «Самсоне» не такие номера прокручивал!

Толпа, сброд, шантрапа (иначе не назовешь) построилась. Мимо комиссара здоровущий матрос протащил на своем сытом загривке пулемет «шоша». На вопрос, куда он его тащит, ответил честно:

– На пропой братишкам. На мызе с бароном договорились...

– Стой! Именем революции – не ползи, гнида!

– Иди ты...

Блеснул огонь из маузера. Пулемет, рушась сверху на убитого, раздробил ему череп возле уха. Все было так неожиданно, что Артеньев даже растерялся... Гарнизон притих, строй выровнялся.

Скалкин дунул в черный глазок маузера.

– Сам не понимаю – отчего, но вот эта железная штучка, – он показал маузер, – когда нажмешь на эту пипочку, она стреляет... Товарищ Артеньев, подойдите сюда и отдайте команду.

Сергей Николаевич тихонько спросил его:

– Какую команду?

И так же тихонько ответил ему комиссар:

– Кричи громчей любую, пока они по шею обкакавшись...

– Смиррр-на! – с удовольствием рявкнул Артеньев.

– А команды «вольно» теперича не будет... вольная житуха кончилась! – объявил Скалкин, запихивая маузер в кобуру. – Вот перед вами командир, приказы которого буду проверять я, ваш комиссар. Если командир сплхует – я его шлепну в патуку. Если кто приказа командира не исполнит – его тоже шлепну в повидло. Революция ждет от нас жертв, товарищи. Сейчас весь мир смотрит на нас... Или мы только за царя умели сражаться?

Он шагнул к строю, прошелся вдоль шеренг:

– Кому что на данном политическом этапе неясно, прошу заявить открыто. Есть у вас насущные вопросы или мировые проблемы?

Ни вопросов, ни тем более проблем уже не возникло.

– Ваше молчание есть верный указатель того, что вы люди с башкой и сами до всего допираете...

Артеньев потом подошел к Скалкину и пожал ему руку.

– Спасибо, друг, – сказал он с чувством. – Если бы не ты, они бы меня тут, как солому, сжевали.

– Мы хладнокровия не теряем. У тебя вопросы есть?

– Пока нету.

– Вот видишь, как хорошо. Душа радуется!

***

Вечером к отмелям Цереля прибой выбросил матроса. Словно умирающий краб, раскинув руки и ноги, вцеплялся он в рыхлый песок. Полз и полз к зеленеющим далям Эзеля, уже тронутым осеннею желтизной, чтобы – прочь от воды, которая еще пыталась оттащить его обратно в Ирбены... Артеньев перевернул матроса на спину, Скалкин глянул на карман его робы, где нашит боевой номер.

– Из минеров он... боевой пост – два, спал на восьмой койке в четвертой палубе... Эй, приятель, ты с какого?

Выброшенный морем разлепил глаза, уже изъеденные солью:

– С миноносца «Охотник»... наскочили на мину...

– Ты, браток, один спасся?!

– Там... другие... умираю...

Финал к кризису

Взрыв настиг эсминец под южным берегом Эзеля. В разрушенный корпус «Охотника» море сразу вошло тоннами воды. Командир эсминца старлейт Фоков приказал с мостика:

– Внимание! Осталось минут десять, не больше... Раненых – в шлюпки. Команду я благодарю за службу, и сейчас, прощаясь с нею, я скажу, что всегда гордился такой командой... Повторять не стану: все по шлюпкам, а я остаюсь на корабле... с кораблем!

Фоков отбросил мегафон и, пожимая наспех руки встречных, сбежал с мостика в кают-компанию. Он слышал, как шлюпки отошли, гремя уключинами и веслами. С палубы спустились в кают-компанию старший артиллерист и минер «Охотника», оба молодые.

– Господа, почему вы не покинули корабля?

– Мы с вами. Сейчас придут и другие. Переодеваются...

Во всем чистом, при кортиках, с чистыми лиселями воротничков, в кают-компании сошлись все офицеры. По низам «Охотника» с ревом наступала вода, и взгляды невольно обращались к стрелке кренометра. Командир распечатал бутылку вина, и каждый, выпив, разбивал свою рюмку вдребезги. Механик открыл портсигар и оставил на столе раскрытым – уже навсегда. Он сказал, закуривая:

– Еще минуты четыре, после чего, я думаю, поедem...

Командир встал:

– Отдраим иллюминаторы, чтобы меньше мучиться...

Да. Пусть они лягут на грунт с кораблем уже мертвецами. Чтобы не страдать на глубине моря, вбирая губами последние глотки воздуха из спрессованных воздушных «подушек» под потолком... Что-то лязгнуло наверху, и все побледнели.

– Открыли люк! Кто-то еще ходит по кораблю... Кто?

Дверь в кают-компанию распахнулась – матросы.

– Решением ревкома боевая вахта «Охотника», которую взрыв мины застал на постах, решила эсминца не покидать...

Офицеры встали. Они заплакали. Командир сказал:

– Ну, что же вы там? Идите сюда, товарищи...

Матросы вошли в кают-компанию и сели среди офицеров.

Теперь их было 52 человека. Все молчали, прощаясь друг с другом взглядами. Вода, глухо ворча, вышибала под ними крышки горловин. Вода выпучивала своим напором стальные переборки. Она разрывала металл перекрытий, словно бумагу... Вода приближалась к ним, и кренометр показывал уже близкий предел.

Командир встал:

– Ну... готовьтесь. Так умирали и наши деды!

Эсминец, словно в изнеможении, стал прилегать на борт. Одна из его труб еще поливала волны клубами черного дыма. Изнутри котельных отсеков доносилось яростное шипение, словно клубок змей поместили в машинах, – это под ледяным гнетом воды отдавали свой нестерпимый жар котлы системы Бельвиля...

– Начнем прощаться, – сказал командир и крепко, очень старательно загасил папиросу в старинной бронзовой пепельнице.

Плача и целуясь, люди обнимали друг друга. Никогда еще в жизни не были они так нежны и искренни в своих чувствах.

– Ты прости меня, – слышалось. – Я не хотел...

– А тогда? Помнишь? Я был не прав...

– Прости и ты меня...

Над столом, как разбитое стекло, прозвенел голос:

– Поторопитесь!

Вода раскрыла двери – легко, без усилия, и вот оно, море...

Брызжущее, грохочущее, ликующее, море ворвалось внутрь, оно перевортывало столы и стулья, бросало людские тела к переборке.

Смерть всегда не нужна. И всегда сладки мгновения жизни.

Кое-кто встал на диваны – головами к потолку. Через раздвоенные иллюминаторы толстыми бивнями, как из широких брандспойтов, врезались морские воды. Холодна вода, до чего она холодна!

Очень холодна вода Балтики 1917 года...

Свет померк. Больше они никогда не пройдут Моонзундом.

***

Гибель эсминца «Охотник» не просто исторический факт.

Команда эсминца – в своем презрении к смерти – показала высокий воинский дух. Балтийский флот был готов... Да. Балтийский флот был готов к самопожертвованию.

Лучшие традиции русских моряков оказались живы.

Кают-компания и боевая вахта матросов легли на грунт.

Рядом. В обнимку.

– Начинайте, товарищи... без нас!

Часть шестая. Прелюдия к Моонзунду

*У Вильгельма Гогенцоллерна
размалюем рожу колерно.*

Вл. Маяковский. Военный лубок

Читатель! Если ты не щедр на радости жизни и тебя не волнует гневное кипение моря, если твоя хата с краю и остальное ничто уже тебя не касается, если ты никогда не совершал диких безумств в любви и тихо, никому глаз не мозоля, укрываешься в кооперативной квартире от уплаты алиментов, если тебе, как ты не раз заявлял, «все уже надоело» и ты не ходишь в кино смотреть военные фильмы, если закаты отпыхали над твоим сердцем, сморщенным в скупоности чувств, – тогда я заявляю тебе сразу:

– Оставь эту книгу! Можешь не читать ее дальше...

В самом деле, стоит ли тебе напрасно мучиться?

Возьми с полки справочник, раскрой его на букве «М», отыщи слово «Моонзунд», и там, из десяти скупых строчек, ты вкратце узнаешь все то, что поведано мною на последних страницах книги...

***

В один из дней к особняку русского посольства в Стокгольме подъехала в коляске стройная женщина с траурной вуалеткой на лице; она позвонила с крыльца, секретарь проводил ее к морскому атташе кавторангу Сташевскому; в кабинете женщина откинула вуаль, и кавторанг заметил, что она красива.

– Я не уполномочена обращаться в посольство, но обстоятельства вынуждают меня рискнуть, – сказала женщина. – Запишите: четыре линкора типа «Насау» уже в Либаве, появились «байерны». Наблюдается активность немцев возле Виндавы. На платформах идут из Германии подозрительные баржи с откидными бортами. Много лошадей, масса мотоциклов! Сообщите в Адмиралтейство срочной шифровкой: двадцать восьмого в четверг ожидается неизвестная мне операция немцев в районе архипелага Моонзундских островов... Записали?

– Информация исходит от... вас? – спросил ее Сташевский.

– Эти сведения сообщает вам Ревельская Анна...

Да, именно на 28 сентября 1917 года была запланирована самая громоздкая операция кайзеровского флота. Однако началась она на день позже, потому что немецкий педантизм напоролся на русские мины... Атташе проследил через окно, как женщина, выйдя из особняка, торопливо прошла через улицу к своей коляске. А из-за поворота медленно выполз черный лимузин германского посольства и поехал за русской шпионкой, словно конвоируя ее... «Провал?»

***

Из Ватикана за проливами Моонзунда следили зоркие глаза папы Бенедикта XV. За счет военного поражения революционной России папа хотел сепаратно сосватать мир Англии с Германией. Но для этого необходим пустяк: чтобы флот кайзера ворвался в Петроград... Мешал Моонзунд!

Лучший дипломат римской церкви, нунций Эудженио Пачелли, отбыл в Мюнхен для совещания. Крупп в Мюнхен не приехал – промышленный милитаризм Германии представлял Гуго Стиннес. Договорились, что, когда немцы пойдут в Моонзунд, Англия и Франция мешать немцам не станут.

***

Лондон, Уайтхолл... За столом обширного кабинета сидит человек, которого хорошо знают в нашей стране. Тогда ему шел всего сорок третий год. Он и тогда уже был с солидным брюшком. Неизменная сигара и бутылка с виски не мешали ему трезво оценивать обстановку. Сейчас к нему явился русский военно-морской атташе, предельно взволнованный, и волнение его можно понять.

– Германия посылает на Балтийский театр две трети своего флота. Семьдесят процентов всего Гохзее-флотте скопилось у берегов Курляндии. Назревает неслыханная по масштабам операция. Если союзный флот Великобритании не оттянет часть германских сил с Балтики активными действиями здесь, то...

– Мой друг, – отвечал Черчилль, – что вы говорите? Верить ли этому? Однако если ваши сведения справедливы, то я призову в свидетели адмирала сэра Джелико. Пусть он подтвердит, что британский флот, всегда верный союзническому долгу, уже начал демонстрировать возле германского побережья...

Джелико сказал, что это все чепуха: Гранд-флит забрался в спальню его величества и дрыхнет, а в помощь русским болтунам он не даст даже подлодки, – хватит! Черчилль энергично сосал потухшую сигару. «Разве можно быть таким откровенным нахалом?»

– Ну, все равно, – сказал он, любезно пожимая руку российского атташе. – Вы не волнуйтесь: Уайт-холл сделает все возможное, чтобы оттянуть жар от большой части вашего фронта...

На самом же деле, согласно сговору в Мюнхене, они ничего не сделали. Для них было важно одно: пусть тевтонский кулак раздавит сердце русской революции – Петроград... Ленин писал:

«Не доказывает ли полное бездействие английского флота вообще, а также английских подводных лодок при взятии Эзеля немцами, в связи с планом правительства переселиться из Питера в Москву, что между русскими и английскими империалистами, между Керенским и англо-французскими капиталистами заключен заговор об отдаче Питера немцам и об удушении русской революции таким путем?

Я думаю, что доказывает».

***

Вильгельмсгафен... Здесь проводится подготовка операции, которая закодирована под шифром «Альбион». Никогда еще за все время войны флот кайзера не выставлял столько боевых сил. Рейхстаг требовал победы – только победы! Смысл высказываний министров и депутатов был примерно таков:

– Революция России сдвинула и Германию... Кровопускание в Моонзунде будет благотельно для нашей нации, у которой закружилась голова от русской анархии. Моонзунд дает нам двойной выигрыш: мы убиваем русскую революцию и ликвидируем германскую в самом ее начале. Победа пойдет далеко: массы не обладают правильной оценкой времени и пространства, а посему этот Моонзунд произведет на всех внушительное впечатление... С нами бог!

Революция уже стучалась в броню германских дредноутов. На «Вестфалене» вспыхнул бунт, матросы швырнули командира за борт. Команда «Нюрнберга», следуя примеру «Потем-

кина», арестовала офицеров и пыталась укрыться в норвежских фиордах. Кронштадтские ночи в пламени выстрелов освещали доки и гавани Вильгельмсгафена.

– А сейчас, – говорил гросс-адмирал принц Генрих, – экипаж «Принца-регента Луитпольда» объявил голодовку, как в тюрьме, а на «Пиллау» – стачка, будто на заводе. Моонзунд спасет нас...

Над разворотами оперативных карт операция «Альбион» обретала свою плоть, насыщалась теплом и животворилась от крови, которая скоро прольется. В пунктуальности немцам отказать никак нельзя. С точностью до минуты было разграфлено, выверено и зафиксировано – куда, когда и в каком состоянии подойдет корабль, сколько человек втащат пулемет на горку возле хутора Лью, кто в среду в 03.47 обстреляет колокольню на перекрестке Тюрио-Ямма.

– Самое главное, – рассуждали оперативники, – заслать как можно больше агентов для муссирования паники! Все говорящие по-русски агенты должны слиться с гарнизонами Эзеля и Даго...

Адмирал Эргард Шмидт поднял свой флаг на «Мольтке».

– Мне оказана честь... мой кайзер... моя Германия...

Сначала один германский эсминец пробежал далеко вперед и расставил в море плавучие маяки, которые, чадя ацетиленовыми горелками, освещали дорогу эскадре, словно вечерний проспект большого города. 11 дредноутов, во главе со всемогущим «Байерном», взрыли море своими мордами. 47 эсминцев (сразу несколько флотилий) пробороzdили горизонт. Германская армада в 300 вымпелов задымила Балтику, висли над мачтами «фоккеры» и «альбатросы» с ястребиным оперением на хвостах, гудяще плыли над эскадрами флотские цеппелины. В тесноте трюмных стоек било на качке войсковых лошадей, на палубах крейсеров стояли тысячи мотоциклов и велосипедов самокатных отрядов. Русские мины стерегли эскадры кайзера в глубине, и сроки начала операции задерживались кропотливой работой тральщиков. График «Альбиона» сразу затрещал, и адмирал Шмидт рискнул:

– Ну-ка! Пусть они убираются к черту со своими сетками. Мы не можем ждать, пока они расчистят весь огород от картошки...

Эта задержка с тралением и была причиной тому, что Моонзундское сражение началось с опозданием на сутки – не 28 сентября, а 29 сентября по старому или 12 октября по новому стилю.

***

Гельсингфорс – второй Всебалтийский съезд. В руке председателя Дыбенко вздрагивает лист бумаги, а по щеке сурового богатыря (что это?) скатывается одинокая слеза. Он читает обращение флота «К угнетенным всех стран».

– «Братья! – звеняще произносит Дыбенко. – В роковой этот час, когда звучит сигнал смерти, мы, балтийцы, возвышаем свой голос, мы посылаем вам предсмертное завещание. Атакованный превосходящими силами, наш флот погибнет в неравной борьбе. Но ни один корабль от боя не уклонится, ни один матрос не сойдет с палубы побежденным...»

Дыбенко отложил лист и выкрикнул испушенно:

– Оклеветанные и заклеянные, мы, флот Балтики, исполним свой долг перед великою русской революцией!

Двери – взлет, а в дверях – адмирал Развозов. От самого порога зала он пошел на Дыбенку, вопрошая его еще издали:

– Отвечайте! Сейчас, когда разгорается битва, могу ли я быть уверен, что флот исполнит мои приказы беспрекословно?

Дыбенко поднял руку, и зал съезда помертвел в тишине.

– Приказ адмирала в бою – закон для всех. Кто не исполнит его, тот именем революции будет расстрелян. Но мы никогда, – возвысил голос Дыбенко, – уже никогда (!) не исполним ни одного приказа Временного правительства... Ваши же приказы, адмирал, – обратился он к Развозову, – нравятся вам это или не нравятся, будут проконтролированы комиссарами Балтики.

– Хорошо, – нервно отвечал Развозов. – Я согласен. Я согласен даже на это...

Дыбенко с трибуны протянул адмиралу руку.

– Но если мы увидим, что флоту Балтики грозит гибель, вас мы повесим... первого... и на первой же мачте!

Развозов пожал руку большевистского вожака Балтики.

– Боюсь, – сказал с усмешкой, – что меня вам вешать не придется. Я хочу верить, что флот исполнит свой долг...

Делегаты съезда прямо с трибун уходили на корабли комиссарами. Они поднимались на мостики, вставая рядом с командирами.

За рубежами Моонзунда открывалась новая революция – ленинская, и корабли шли в бой за нее, только за нее!

Швартовы отданы:

Прощайте, товарищи, – с богом! ура!
Кипящее море под нами.
Не думали мы еще с вами вчера,
Что нынче умрем под волнами,
Не скажет ни камень, ни крест, где легли
Во славу мы русского флага...

По местам стоять!

Внешне, на первый взгляд, дело обстояло так: германский флот неожиданно предпринял атаку большими силами на острова Моонзундского архипелага... Русский флот защищал их... то было вполне естественно и закономерно. Не случайно все историки Моонзундского сражения рассматривали его как один из эпизодов первой мировой войны.

Между тем такой взгляд неправилен!

А. С. Пухов. Моонзундское сражение

Через узкие глотки Ирбен и Моонзунда, через пролив Соэлозунд и Кассары, словно через чудовищные трубы завывающего в тоске органа, продувало черные сквозняки смерти.

Первой выбрала якоря «Слава». Почти касаясь винтами грунта, она тронулась через роковые фарватеры Моонзунда; следом за «Славой», взбаламучивая ржавчину ила, пошел «Гражданин» (бывший «Цесаревич»), – и эти два эскадренных броненосца были единственными, кого флот мог противопоставить эскадрам германских «байернов». По традиции от прошлых времен мы эти броненосцы будем по-прежнему величать «линкорами».

Сорвались со стоянок крейсера – «Баян» и «Диана», за ними шагнул в революцию крейсер смерти «Адмирал Макаров», спустивший со стены флаг с черепом и костями (тоже поднял красный).

Минная дивизия под началом адмирала Старка блуждала по шхерам, дивизионы строились и разбегались по морю, отрабатывая дымы прогоревшего угля и мазута, а возглавлял эту дивизию славный первенец – «Новик»!

Его сейчас догоняли братья и сестры – «систершицы», порожденные на верфях России по тем же чертежам, что и «Новик».

Молодой, хорошо подкованный, легко рысил по волнам XI дивизион: «Победитель», «Забияка», молниеносный «Гром».

Отбрасывая крутую волну, пролетал XII дивизион: «Десна», «Самсон», «Лейтенант Ильин» и «Капитан Изылметьев».

Раздувая белые усы пены, кроил море форштевнями XIII дивизион: «Изяслав», «Автроил», «Гавриил», «Константин».

Больше нефтяников не было – следом шли угольные «Генерал Кондратенко» и «Пограничник», «Эмир Бухарский» и «Туркменец Ставропольский». А дальше, словно отбивая лихую чечетку, замелькали по Кассарскому плесу забубенные имена: «Стерегущий», «Страшный», «Гремящий», «Дельный», «Разящий», «Сторожевой», «Прыткий», «Лихой» и прочие.

Нелюдимы и затаенны, прошелестели во тьме брезентами навесов сторожевики на посылках: «Барсук» и «Выдра», «Горноста́й» и «Хорек»; за ними пробежала осторожная тихая «Ласка», обнюхивая воздух широкими ноздрями своих вентиляторов.

Бродяги-тральщики проутюжили море в рискованном отдалении, имена их были взяты словно из учебника по минному делу: «Ударник», «Капсюль», «Запал», «Минреп».

Вот пронесло за мыс Патерностер дивизион канонерских лодок, которых страшно боятся немцы, а сами они, дерзкие, всегда презирают смерть: «Хивинец», «Храбрый», «Грозящий» – родные братья «Сивуча» и «Корейца», павших неподалеку отсюда еще в пятнадцатом.

Настораживая людей, проплыла госпитальная «Лава». Красный крест на ее борту, а в иллюминаторах – круглые женские лица.

– Эх, сестрички! Не дай бог попасть на вашу «Лаву»...

Шли заградители – сетевые и минные, имена которых взяты с географической карты России: «Амур», «Волга», «Зея», «Бурья» и «Припять».

Тащили для нужды эскадры уголь транспорта, названные по буквам церковнославянского алфавита: «Буки», «Веди», «Глаголь», «Иже», «Како», «Люди», «Живете» и другие разные...

Мало выставил Балтийский флот. Безбожно мало!

Казалось, дредноуты кайзера насыдут на этот жидкий строй кораблей, и стальные груди «байернов» в слепой ярости разрушения будут крушить и ломать хрупкие ребра шпангоутов на эсминцах, они просто опрокинут кверху килем старую «Славу», как броневик переворачивает кверху колесами неосторожную телегу...

«Товсь!»

Моонзунд продувало гибельными сквозняками.

***

Вдогонку спешащим на смерть крейсерам и эсминцам густо харкнул Керенский таким приветствием, которое больше смахивало на проклятье... Вот текст его радиограммы:

НАСТАЛ МОМЕНТ, КОГДА БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ
ЦЕНОЮ СВОЕЙ КРОВИ ДОЛЖЕН ИСКУПИТЬ
СВОИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
И СВОИ ПРЕДАТЕЛЬСТВА ПЕРЕД РОДИНОЙ.

Гельсингфорсский съезд матросов дал ему ответ:

ТЕБЕ ЖЕ, ПРЕДАВШЕМУ РЕВОЛЮЦИЮ
БОНАПОРТУ-КЕРЕНСКОМУ, ШЛЕМ ПРОКЛЯТИЯ
СВОИ В ТОТ МОМЕНТ, КОГДА НАШИ ТОВАРИЩИ
ГИБНУТ И ТОНУТ В ВОЛНАХ МОРСКИХ...

Впрочем, еще никто не гибнул и никто не тонул. Флоты противников разворачивались, совершали перестроения. Искали оперативных выгод в средоточиях гаваней, рейдов и вигов.

Все русские силы, собранные сейчас в Моонзунде, на обширном рейде Куйваста, в Аренсбурге и в Рижском заливе, возглавлял Михаил Коронатович Бахирев, флаг которого колыбался над военным транспортом «Либава».

Из кают-компания транспорта разбрызгало по рейду гитарным звоном, офицеры завели старую песню старого флота, порожденную в тоске зимних стоянок у Вердера или подле ремонтных цехов Рогокюля:

С теплых коек оторвавши
заспанных господ,
в бардаках людей собравши,
гонят их в поход.

И дружно подхватили – почти в озлоблении:

В Моонзунд идем, наверно,
В Моонзунде очень скверно.
Моонзунд, Моонзунд!
Нам бы лучше в Трапезунд...

Большинство офицеров здесь – корниловцы.

***

В прохладном салоне «Либавы» их трое: сам Бахирев, начмин Георгий Старк и молодой контр-адмирал Владиславлев, начальник подводного плавания. Старк, как «миноносник», любил выпить. Темно-бордовое вино текло в рюмки, словно мазут с «новииков», – тягуче, маслянисто и совсем не прозрачно.

– Нектар чертей! Попробуйте, Михаил Коронатович, а потом совместно занюхаем цикорием, чтобы от нас не пахло.

Бахирев и Старк пили, но Владиславлев отказался.

– Эти большевики навели порядок, – сказал он. – Подумать только: ни одного пьяного... На «Рюрике» офицерская вахта с горя накачалась денатуратом, чистейшим, как слеза младенца... Так что? Ревком вынес решение: одели ханжистов в робы и заставили нести кочегарную вахту возле котлов...

Старинная мадера была великолепна.

– Откуда она, Георгий Карлович? – спросил Бахирев.

– Это еще из погребов Эссена... не допил покойник! Как бы эта мадера не стала последней нашей мадерой в жизни...

На рейде Куйваста было спокойно: под бортом штабной «Либавы» тихо подремывал «Новик», у пристаней дымили тральщики, «Гром» держался за бочку... С вахты доложили в салон:

– На рейд входит «Победитель» под брейд-вымпелом!

– Это вымпел Пилсудского⁴, – заметил Владиславлев. – Он ходил на «Победителе» под Аренсбург на разведку.

Старк любовно наклонял бутылку над рюмками:

– Передайте, что я даю «добро» Пилсудскому на вхождение.

Все – как надо. Обычная суэта рейдов и гаваней.

– Пилсудский, – сказал Бахирев, – отбоярился перед ревкомом за свою фамилию. Он и в самом деле псковский дворянин, его мать из рода Аничковых. А вот командира «Храброго» выкинули.

– За что?

– Родственник главковерха Корнилова... было не скрыть!

Бутылка взвилась над столом, выплеснув мадеру на скатерть. Рюмки, жалобно звеня, рассыпались осколками. Старка швырнуло со стула на Бахирева, Бахирев головой влетел в живот Владиславлеву, – адмиралы покатались по коврам, хватаясь за мебель. Шторы на дверях вытянулись полого – «Либаву» качало с треском корпуса, хрустя рвались швартовы с соседнего «Новика», тральщики волной отрывало от линии причалов.

– Черт бы побрал этого лихача – Пилсудского!

«Победитель» не сбавил оборотов на рейде, и разводная волна, выбегая из-под его винтов, раскачала спокойную воду Куйваста. Старк с огорчением поднял пустую бутылку:

– Не дал допить... На мостике! Дать матом на «Победителя»: начмин Старк выражает Пилсудскому неудовольствие. Запятая...

– Поставьте точку без продолжения, – подсказал Бахирев.

– Точка! – крикнул Старк в амбушюр переговорной трубы.

Рейд затихал. «Либаву» качало все меньше и меньше.

Над мачтами «Победителя» вспыхнул дерзкий сигнал:

---

⁴ Г. С. Пилсудский (р. в 1880 г.) позже занимал руководящий пост по организации морского флота Советской Латвии.

ФЛОТ ИЗВЕЩАЕТСЯ тчк НАЧМИН СТРАДАЕТ ОТ КАЧКИ тчк

Эскадра начала репетовать сигнал, и от корабля к кораблю переходило известие, что адмирал Старк испугался большой волны. Бахирев при этом сказал:

– Издеваются! Как угодно, а я подаю рапорт, об отставке.

– Я тоже, – сказал Старк. – Ну их всех к черту! Сколько можно терпеть? А ты, Петр Петрович?

Владиславлев был и хитрее, и вреднее обоих.

– Не дурите, – отвечал. – Еще не все пропало...

На краю стола, забрызганного мадерой старого флота, Бахирев писал: «Прошу освободить меня от командования Рижскими силами залива, так как, несмотря на мои крепкие нервы, постоянные трения мешают мне отдать все способности на оборону залива, и я начинаю терять надежды на боевой успех...»

Когда саботажники отложили перья, Владиславлев выругался:

– Донкихотством грешите? Да кому оно нужно сейчас? Если сопротивляться большевикам, так надо делать это иначе...

Вошел начдив-ХІ кавторанг Пилсудский.

– Осмелюсь доложить, за Арнсбургом все спокойно.

– Зато у нас не все спокойно, – отвечали ему.

Владиславлев решительно выволок Пилсудского из салона:

– Жорж, как настроение?

– Отличное. Такой ветер, такая волна...

– Я о другом. Ты бежать не собираешься?

Пилсудский был удивлен, неуверенно хмыкнул:

– Бежать? Но... куда бежать, если завтра бой?

– Ах ты, наивное дитя! За кого драться? За большевиков? Неужели твоя дворянская кровь не бунтует?

Пилсудский щелкнул, как пижон, золотым портсигаром, на котором от минувших времен сохранилась витиеватая гравировка: «За отличную стрельбу въ Высочайшемъ присутствии Ихъ Императорскихъ Величествъ». Постучал папиросой об ногу, дунул в нее.

– Ты же контр-адмирал, – сказал начдив-ХІ. – Я думаю, что «адмирала» можно теперь откинуть, останется только «контр»...

Удар пощечины отбросил Пилсудского к переборке. Начдив раскурил папиросу и прищурил острый глаз на Владиславлева:

– Субординация связывает меня... отвечу потом!

Не удалось. Ответ за него дали другие.

***

Политическая болтовня, когда человека хлебом не корми, только выступить ему дай, – это наследие буржуазной революции. И это наследие, будь оно трижды проклято, висло гириями на ногах, висло камнем на шее – и только один язык был свободен, ничто ему не мешало болтать, болтать и болтать...

На ревельском вокзале – шум, толкотня, гвалт. Мосальский пехотный полк ночью поднят с квартир, сейчас митингует:

– Куды посылают? На Эзель? А я не хочу! Ежели революция, так я понимаю – свободы много...

По теплушкам воровато шныряют типы с бутылками, в которых фиолетово светится райская ханжа. Пьяные солдаты вышибают офицеров из вагонов, сами занимают купе. Офицеры

же, затюканные до последней степени, размещаются в теплушках. Колеса крутятся. На прощание по окнам Ревеля солдаты рассыпают пули:

– Прощай, Ревелёк! Нас убивать повезли...

Попутно разграбили станцию Шлосс-Лоде. Очевидец сообщает, как было: «Озверение дошло до того, что куриц даже не резали, а разрывали да части руками, свиней не кололи, а исполосовывали штыками». Про мебель и говорить не приходится: крушили все подряд страшными гранатами системы Новицкого.

Напрасно сознательные призывали буянов:

– Товарищи! Имейте же совесть наконец...

– А у них совесть имеется, чтобы нас убивать?

– У кого – у них, ты подумал?

– А вот у этих, которые нас посылают...

По баронским мызам – словно чума прошла. А где не было усадеб, там врывались в дома эстонских крестьян, грабили имущество. Так доехали до курорта Гапсалья, Моонзунд уже дышал в лицо солью. Здесь совсем распоясались: тащили свиней на заклание, а свинарник оказался собственностью бригады крейсеров. Матросы с «Адмирала Макарова», примкнув штыки к карабинам, пошли в атаку на мосальцев, спасая своих свиней. Солдат лупцевали прикладами:

– Давай на Эзель, крупа худая! Революцию защищать...

– Ой, не бей! Нам бы митинг еще провести!

– Крути митинг на полный. Война не ждет...

Мосальский полк от революции усвоил самое худшее. Сейчас (в кольце матросских штыков) солдаты избирали президиум. Крейсерские топтали под каблуками окурки, покрикивали:

– Не тяни kota за хвост! Голосуй за победу...

– Братцы, – призывали ораторы, разрывая на себе шинели, – за што кровь наша льется?

Поклянемся во имя революции, что насилию флота подчинимся, и в немца стрелять не будем...

А к берегам Моонзунда уже подкатывали в Гапсаль свежие эшелоны полков Козельского и Данковского. Пять битых часов они сообща размусоливали вопрос – воевать им или не воевать?

– Не хотим! – была резолюция.

Большевики Центробалта осипли от уговоров. Кое-как под утро уломали этих баранов, и панургово стадо начали грузить на пароходы для отправки на Эзель. Демонстрируя полное отсутствие морской культуры, солдаты высунулись из иллюминаторов, вертели головами слева направо. А когда вдали показались эзельские берега, опять закрутился на палубах митинг.

– Братцы, на повестке дня исторический вопрос: сходить нам с кораблей на берег или не сходить? Чай, мы не скоты худые, чтобы самим добровольно на убой иттить. А потому предлагаю собранию – с места не двинуться, а, ежели немец придет в организованном порядочке, без шуму и паники, сдадимся в плен...

Матросы прикладами гнали их с кораблей на берег:

– Кончай резолютить, а то, видит бог, башку расшибу!

С берега (обиженные) данковцы и козельцы орали:

– Тока б до первого немака добраться – мы лапки кверху!

Еще не сделав по врагу ни единого выстрела, они уже запланировали сдачу в плен. Пусть имена этих негодяев останутся в истории Моонзунда как грязное пятно. Вот они:

Мосальский полк – Козельский – Данковский.

...Лучше бы их сюда и не присылали!

***

Полуостров Сворбе – длинный язык Эзеля, он вытянулся далеко в море, и, казалось, истомленная за лето земля жадно припала к Ирбенам и сосет из них воду, пронизанную взрывами мин. А на самом кончике языка – узенькое жало Цереля.

Сейчас на Цереле тишина, только ночное море лопочет в камнях. От рыбацкой деревни Менто подвывают сиреной эсминцы и доносится музыка. Там шумит эстонская свадьба, вводят в дом к жениху невесту с цепями на бедрах; вся в лентах, в бусах и пряжках, пьяная от крепкого пива, что она знает?.. Возле брачного ложа ее четыре двенадцатидюймовки Цереля, развернув жерла, глядятся в хмурую даль Ирбен. Через ночные светофильтры дежурные дальномеры прощупывают плоские берега Курляндии...

Артеньев оторвал листок календаря:

– День кончился. Завтра двадцать девятое сентября... Ты, комиссар, садись поближе. Разговор у нас будет непростой.

Скалкин сел перед секретной картой. Моонзунд вычурен в своих изгибах, будто на синьку моря плеснули из чернильницы и кляксами расползлись по воде острова: Эзель, Даго, Моон и прочие.

– Смотри сюда, – толковал Артеньев. – Между Эстляндией и Эзелем лежит небольшой остров Моон, слева от него – пролив Малый Зунд. Пролив этот пересечен проезжей Орисарской дамбой, соединяющей Моон с Эзелем. Справа от Моона – Большой Зунд, и по нему плывут корабли на Кассарский плес. По сути дела, комиссар, это пока детская география, но без нее не понять дальнейшего... Кассарский плес мелководен, – продолжал старлейт. – Кораблям тут нелегко маневрировать. Но стратегически он важен для нас, ибо с его простора открывается сам Моонзунд, дающий выход нашим кораблям к Финскому заливу и далее – к Петрограду...

Палец комиссара влезает в узкий просвет между островами Эзелем и Даго, где по мелководьям струится пролив Соэлозунд.

– Дырка?.. Разве немцы не могут забраться сразу сюда? Тогда амба всем нам; мигом отрежут эскадру от Моонзунда.

– Теоретически это допустимо, – согласен Артеньев. – Ты прав: Соэлозунд выведет противника сразу на Кассары. Но не забывай, что с Даго пролив к Моонзунду стерегут батареи мыса Серро, а с Эзеля немца также не пропустят батареи, Соэлозунд запечатан!

Скалкин оказался учеником недоверчивым:

– Дай мне, старлейт, любую бутылку, и я тебе ее распатроню от пробки. Оставь теорию – гляди в практику: будь я на месте немцев, я бы батареи наши с землей перемешал, и тогда...

– Тогда – да! – подтвердил Артеньев. – Тогда флот вынужден принять бой от немца на Кассарском плесе. И бой этот будет жесток. Посуди сам: за Кассарами все наши главные маневренные базы. Тут и рейд Куйваста, и Вердер, и Гапсаль, и цеха Рогокюля...

– Это все? – спросил его Скалкин.

– Нет. Еще не все, – построжал Артеньев, глянув на часы. – Уже первый час ночи... Как быстро бежит окаянное время. Слушай меня дальше. Только слушай внимательно. Сейчас я открываю тебе секрет Цереля – секрет нашей судьбы...

***

Эскадра в 300 боевых вымпелов как раз проходила на траверзе Цереля. Впереди дредноутов Гохзефлотте рыскали во мраке юркие искатели подводных лодок. Но русских субмарин они не встретили: контр-адмирал Владиславлев не дал «добро» своим лодкам на выход.

Чуткие антенны «Мольтке» уловили трепетные дуновения эфира: это заговорил большевистский Гельсингфорс, передававший миру открытым клером – без шифра. Молодцеватый матрос вручил на мостике Шмидту квитанцию радиоперехвата:

– Свежая, герр адмирал! Перевод занял одну минуту...

Шмидт поднес бланк к узкому лучу света, который стелился из-под колпака нактоуза. Перед глазами побежали строчки:

... МЫ ИДЕМ В БОЙ НЕ ВО ИМЯ
ИСПОЛНЕНИЯ ДОГОВОРОВ НАШИХ
ПРАВИТЕЛЕЙ С СОЮЗНИКАМИ, МЫ ИДЕМ
К СМЕРТИ С ИМЕНЕМ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
НА УСТАХ.
МЫ, БАЛТИЙСКИЕ МАТРОСЫ, ИСПОЛНЯЕМ
СЕЙЧАС ВЕРХОВНЫЕ ВЕЛЕНИЯ НАШЕГО
РЕВОЛЮЦИОННОГО СОЗНАНИЯ...

Эдгард Шмидт просунул квитанцию в узкую прорезь боевой рубки, словно в щель почтового ящика. Ветер сразу вырвал бумагу из корявых от холода пальцев флагмана.

– Обычная большевистская болтовня. Не стоит внимания...

Тишина ночного моря вздрогнула от яростного рева: это на палубах крейсеров батальоны самокатчиков стали опробовать свои мотоциклы. В мрачных ущельях трюмов заржали пугливые кони. Ветер кружил над Балтикой квитанцию большевистского призыва, и она вздергивалась порывами шквалов – все выше, выше, выше... Ее унесло в небеса, пропитанные дымом сгоревшего угля, который добыли шахтеры Рурского бассейна.

***

– А теперь главное, – сказал Артеньев, – только не болтай другим... Церель с нашими батареями выползает прямо в Ирбены. Ты видишь – здесь на воде густая штриховка. Это минные поля. Кусок моря перед ними умный Эссен велел оставить незаминированным. Образовался маневренный мешок для развертывания наших кораблей от Аренсбурга. Мины, мины, мины... десять тысяч мин! И все это пространство простреливается нами с Цереля. Мы с тобою, Скалкин, по сути дела, бережем не только Ирбены и Рижский залив – от нас зависит судьба Моонзунда. Не люблю произносить высоких слов, но это справедливо, что от стойкости нашего Цереля зависит сейчас и судьба русской революции...

Скалкин ребром ладони отсек полуостров Сворбе от Эзеля, будто отламывая его напрочь, как ломоть хлеба от каравая.

– А ежели немцы... вот так? Ежели они с тыла зайдут?

– Ты прав, – вздохнул Артеньев. – Наши батареи на обратных директрисах стрелять не могут. Пушки развернуты фронтально в Ирбены... только в Ирбены! Но могу утешить: с тыла нас бережет эзельский гарнизон. Другие батареи. По соседству аэродром Кильконд с героями-летчиками. Наконец, флот же нас не оставит...

Артеньев собрал карты, уложил их в сейф церельского штаба. Бетон, заквашенный в зимнюю стужу прошлого года, за лето так и не прогрелся, – под землей церельской цитадели людей знобило.

Скалкин царапнул себя пятерней в затылке.

– Эх, – сказал, – что-то тут еще не продумано... Ну, ладно. Сдюжаем! – Бронированная дверь каземата туго подалась под его плечом; в штабную комнату донесло стуки дизелей, ровно урчали динамо-машины, насыщая током сложное хозяйство батарей. – Сдюжаем, – повторил

комиссар, нахлобучив бескозырку. – Самое главное в таком деле, как драка, сохранить хладнокровие. А за секреты спасибо. Только я поделюсь ими с двумя – Купаем и Журавлевым.

– Доверяешь?

– Как не доверять? Они же партийные.

– Ну, смотри сам...

Разговор закончился. Все было просто. А сколько стреляли из-за этого. Сколько офицеров летело за борт. Сколько самоубийств. Вообще, сколько познал флот трагедий только из-за того, что офицеры не допускали матросов до тайны оперативных планов!

Рубикон был перейден...

***

Мыза Веренкомпф глядится в море своими окнами, в которых стекла велики и чисты. С башни старинного имения видна вся бухта Тага-Лахт. словно длинные руки, обнимая бухту, тянутся в море два мыса – Хундва и Ниннаст; в конце этих мысов Тагалахтскую бухту стерегут батареи... Окна мызы Веренкомпф смотрят на запад, в сторону Швеции, и столетия назад взирали отсюда на морской простор бароны Фитингофы, как и она сейчас, вдова Лили фон Ден, наследница былого величия.

Погрев возле камина руки, женщина подошла к телефону (Эзель был густо опутан проводами: в медных струнах текли разговоры местных баронов, управляющих мызами и военных гарнизона.)

– Это аэродром Кильконд? – спросила госпожа Ден. – Ах, это вы, мой милый мичман... А полковник Вавилов далеко ли от вас? Если он еще не лег спать... Что? Никак не может? Жаль...

Она дала отбой, но трубку не повесила: редукция мембран доносила до нее голоса из штаба авиастанции Кильконд:

– Опять эта баронесса тут вяжется. Что ей надо, старой лахудре? Спала бы себе... Кстати, мичман Сафонов еще не улетел?

Лили Александровна поднялась по витой лестнице на башню мызы. Тага-Лахт теперь бурлила внизу, окантованная белой вышивкой прибой. Жутью веяло от гудящих во тьме лесов. Вдова каперанга распахнула окна, и внутрь башни ворвался ветер. За спиной женщины стоял плоский щит, затянутый черным покрывалом. Она отдернула штору напроць, и... обнажилось зеркало. Большое зеркало!

В этот момент за несколько миль от мызы, в клочующих бурунах пены, из моря упруго выпрыгнула германская подводная лодка. Со скрипом отдернулся тубус люка, на мостик вылезли офицер и матрос, который сбил заглушки герметизации на прожекторе. Вода, колобродя, еще гуляла у них под ногами.

– Проведи вдоль горизонта, – приказал офицер.

Узкий луч с подлодки пополз вдоль берега. Тьма... тьма...

И вдруг в конце луча ярко вспыхнуло – это прожектор уперся в зеркало на башне мызы Веренкомпф. Теперь этот «маяк» был виден далеко с моря, и на эскадре его устойчивый свет сразу заметили с марсов флагманского «Мольтке»... Адмирал Шмидт сказал:

– Прекрасно! Мы вышли точно в Тага-Лахт...

Эскадра занимала исходные рубежи как раз в точке, закодированной под именем «Вейс». На германских дредноутах команды в сорок человек с трудом стягивали с башенных орудий громадные чехлы. Их тащили с пушек, как стаскивают с ног длинные чулки.

Стволы германских орудий были украшены личным клеймом кайзера Вильгельма: W. При неярком свете луны на корабельных пушках можно было прочесть надписи из латинской мудрости: «Ultima ratio regis» («Последний убедительный довод»).

Было четыре часа ночи. Якоря они отдали.

***

В эту же ночь Владимир Ильич Ленин закончил работу над своей статьей «Кризис назрел».

Глубокий анализ событий приводил Ленина к мысли, что настал момент для свершения революции социалистической.

Это был его последний убедительный довод.

***

Дежурный по штабу в Ревеле проснулся от звонка:

– У аппарата батарея Серро, говорит мичман Лесгафт...

– А где эта батарея? – спросил дежурный, зевая.

– Это на самом юге Даго, в проливе Соэлозунда.

– Дагомейцы, а как у вас погода?

– Туманно, – ответил мичман Лесгафт. – Шла изморось. Видимость дрянь. Слабый зюйд-вест. На море – один-два балла... У меня вопрос: вы что там? В шахер-махер играете? Если флот посылает корабли к Эзелю, так предупреждайте, а то шарахнем по своим!

Сонную одурь выбило из головы дежурного. Индукция слабых токов струилась сейчас от Даго по кабелю, брошенному в илы Кассарского плеса, токи тревоги по флоту влетали в коммутатор Гапсалья, текли над землей в эту черную трубку – прямо в ухо:

– Аллю! Ревель – Даго: флот кораблей не посылал.

– Даго – Ревелю: чтоб вас всех черт побрал... Прощайте!

***

«Дагомейцы» первыми открыли огонь, и грохот орудий перелетал через Соэлозунд, будя эзельских крестьян. Деревушка Серро засветилась окнами, в хлевах жалобно замычали коровы.

Прямо в пасть пролива Соэлозунда впирали линкор «Кайзер», вокруг которого шмелями жужжали моторные тральщики. Крейсер «Эмден» и 15 эсминцев противника стали взрывать батареи с моря. Снарядные чушки подкашивали прибрежные сосны, осколками перебило все телефоны и переговорные трубы. Одно орудие село на катки, как раненая лошадь садится на землю избитым крупом. Второе орудие батареи Серро – в дымном чаду – работало и работало.

– Есть накрытие! – кричал Лесгафт. – Давай еще...

Два германских эсминца мотало между берегами пролива, как пьяных между стенками в узком коридоре. Казалось, их рвало над туманной водой рыже-зеленой блевотиной нефтяного пламени... Когда мичман Лесгафт спустился с вышки, живых уже не было: трупы защитников разбросаны среди перевернутых орудий, словно неряшливые узлы с жалким барахлом. Лесгафт стал выкручивать из пушек замки. Задыхаясь, он таскал их к воде – топил в море.

Немцы уже выбросили пробный десант. Германские матросы, словно голодные волки, кинулись прямо в деревню Серро, тащили оттуда за уши на корабли орущих свиней, а следом за ними – растрепанные, патлатые – бежали старухи эстонки.

Мичман Лесгафт слышал голоса немецких матросов.

– Реквизит, реквизи́т! – кричали они, а свиньи нестерпимо визжали, когда их грузили в шлюпки и катера.

...Как неожиданно все началось.

***

Но главный удар был нанесен в самую подвздошину Эзеля.

Прямо по бухте Тага-Лахт (точка «Вейс»), из ковша которой тропинки древних эстов и дороги, укатанные еще крестonosцами, петляя и расходясь по лесам, опутывали весь Эзель...

Батарея на мысе Хундва огнем своих пушек геройски отогнала в море германские эсминцы. В поединок огня и железа вступил рыкающий бас главного калибра дредноутов, и тогда батарейцам стало плохо. Удачным выстрелом под основание немцы своротили батарейную вышку, она разобралась по бревнышку, словно держалась на жидком клею, и в развале бревен умерли все наблюдатели. Огонь башенных платформ противника перемешивал в одну скользкую кашу все подряд – людей, пушки, животных, деревья, песок, тину и рыбу. Надо знать, что такое главный калибр дредноутов, залпы которых способны вскрыть землю, как банку консервов...

Адмирал Эргард Шмидт воткнул в уши гуттаперчевые пуговицы, чтобы не оглохнуть. Неожиданно с батареи Хундва, которая уже погибала вся в красном зареве пожаров, флагманский «Мольтке» был взят в губительнуювилку. Русские сумели определить место флагмана (хотя «Мольтке» стоял в конце авангарда).

– К развороту! – приказал Шмидт: он не желал погибать...

И вдруг прославленный «Байерн», махина в 25 000 тонн, подпрыгнул на воде, словно лягушка, и линкор стало сильно раскачивать. Его качало, качало, качало... черный дым струился к небу. «Подорвались на mine», – писали с «Байерна» на «Мольтке».

– Лучший линкор Германии, – огорчился Шмидт.

«Гроссер Курфюрст» лежал в пологом развороте, громя своими башнями уже не батарею, а просто свет божий. Могучий кулак минного взрыва ударил его под днище, и «Курфюрста» тоже качало, качало, качало... второй линкор был подорван.

– Минус два, – заволновались на мостиках «Мольтке». – А мы ведь еще только пять минут как начали свой бенефис...

Шмидт нетерпеливо махнул рукой:

– Вперед десанты... ошеломляйте натиском!

Горел лес (страшное зрелище). Мертвая батарея Хундва посылала к небу длинные гейзеры шипучего огня, словно там открывали бутылки с адским шампанским, – это рвало погреба с зарядами. Тага-Лахт наполнилась кораблями: шли транспорта, на палубах которых в четких каре, недвижимы под чехлами «фельд-грау», стыли на ветру саксонцы, баварцы, голштинцы, бранденбуржцы и гессенцы. Десантные суда, скрежеща днищами, вползали на каменистые отмели, их борта откидывались на берег, подобно сходящим, – по ним гнали настегнутых лошадей, и они тащили на Эзель пушки, походные кухни, бомбометы, минометы, огнеметы и санитарные двуколки.

Порядок был образцовый. По берегу бегали штабные офицеры. В рыхлые пески пляжей вкалывали шесты с номерными плакатами. Теперь каждый полк еще с моря видел, в каком месте ему высаживаться. Тральщики волокли через бухту свои громоздкие сети, но вычерпать все мины они не могли. Громадный транспорт «Корсика», плотно забитый солдатами и техникой, взорвало у берега, и «Корсика» пошла брюхом на берег, с грохотом раскидывая из-под киля своего обомшелые камни.

Эзель вздрогнул от нестерпимого треска. Это разом заработали тысячи мотоциклов, и лавина моторов, извергая из себя зловоние газов, покатила по дорогам, давя все живое:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.